

ЖИВОПИСНАЯ Россия.

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

въ его

земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи.

подъ общей редакціей

П. П. СЕМЕНОВА,

вице-предсѣдателя императорскаго русскаго географическаго общества.

тому первый.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

СЪВЕРНАЯ РОССІЯ.

ОЗЕРНАЯ ИЛИ ДРЕВНЕ-НОВГОРОДСКАЯ ОБЛАСТЬ. (Продолженіе).

съ 238 рисунками въ текстѣ и 29 отдельными картинами, рѣзанными на деревѣ.



ИЗДАНИЕ КНИГОПРОДАВЦА-ТИПОГРАФА М. О. ВОЛЬФА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

Гостинный дворъ, №№ 17 и 18.

МОСКВА,

Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

1881.

ОЧЕРКЪ IX.

НЕСТОРОВА ВЕСЬ И КАРЕЛЬСКИЯ ДѢТИ.

Инородцы Озерной области. — Миграции финно-угорских народов. — Природа местности. — Чудь, Карела и Саваксты — Откуда пошли Чудь. — Другое название Чудь. — Весь. — Где и сколько живет Чудь. — Антропологические признаки. — Жилище — Пища. — Язык и то культурное состояние, въ которомъ находилась Весь при встречѣ съ Русскими. — Вымираетъ ли Чудь — Мисологические сстатки — Погрѣя. — Рождение. — Свадьба. — Покоры. — Обычаи. — Карела. — Разселение и число душъ. — Внѣшне антропологические признаки. — Жилище. — Пища.



Рыбачій домъ въ Олонецкой губерніи.

*Въ полнолѣтіе довольствѣ и счастьѣ когдѣ-то
Жили туземцы въ Карельской землѣ.
Рабства не вѣдали, жили богато,
Правили землю ихъ старый Тулле.
Но человѣкъ волосатый явился.
Загналъ въ пещеру сѣдаго Тулле.—
Сгинулъ старикъ, а пришелецъ водворился
Полнымъ владыкой въ Карельской землѣ.
Но не погибъ Карелякъ и въ неволѣ;
Въ дружбу съ нимъ онъ съ пришельцемъ вступить,
Живо сmekнуль онъ, какъ быть въ новой болѣ—
Шкуру съ нимъ на овчину слѣнить.*

ХІІІ КАРЕЛЬСКАГО ПРЕДАНІЯ.

оно будто одинъ народъ живетъ и въ Финляндіи, и въ Балтийскихъ губерніяхъ, и въ нашей Озерной области, а какъ поразглядинъ его понристыниче, какъ присмотринъся и въ томъ и въ другомъ мѣстѣ къ обычаю народному, такъ и увидишь, что родъ-то тотъ, да порода другая. По даннымъ языка, а также и по находкамъ, сдѣланнымъ въ разное время въ курганахъ чудскихъ и могильникахъ, видно, что было время, когда все нынѣшніе Финны жили гдѣ-то у подошвы Алтая, въ сосѣдствѣ и братствѣ съ тюрко-алтайскими племенами, съ которыми и до сихъ поръ еще представляютъ они много общаго въ анатомическомъ строѣ своемъ. Чего они между собою не подѣлили—того никто узнать до подлинно не можетъ, а только слѣдуетъ полагать, что не подѣлили они угодій, и первая ссора братьевъ произошла изъ-за простора да изъ-за хлѣба насыщенаго. Не сразу, конечно, двинулись въ далекій путь уралоалтайскіе народы, извѣстные болѣе подъ именемъ Финновъ, и побуждаемые

Тюрко-алтайцами и будучи послабъе ихъ, только отдалились на время отъ стародавнихъ своихъ сельбищъ: прошли года, и новый напоръ сильнейшихъ союзей снова продвинулъ Финновъ далѣе на сѣверозападъ, а тамъ, захвативши горя и безкорницы, перевалили они наконецъ и черезъ «Киви-панду», а по нашему Уральскому хребету, что показало имъ запросто «Камнемъ-горою». Пошли отсюда Финны не скоро, а прежде пожили по обонимъ склонамъ «Киви-панды» и разошлись розно повидимому уже тогда, когда за голодовкою невтерпежъ стало имъ жить вмѣстѣ. Одна вѣтвь не захотѣла искать невѣрного счастія на новыхъ мѣстахъ и осталась почти у самаго перевала, а другая двинулась далѣе искать приволья и безбѣдного житія. Тѣ, что пошли дальше на западъ, въ свою очередь, не ужились вмѣстѣ и спова раздѣлились на нѣсколько отраслей: одни снова остались на мѣстѣ и удовольствовались страною между Свирию, Бѣлоозеромъ, Весьегонскомъ (Вези-іаги, или водная рѣка) и Волховомъ, а другіе пошли на сѣверъ и затѣмъ на сѣверозападъ, чтобы положить начало финскому населенію Ботническаго и Финскаго побережий, вплоть до Ладожскаго озера на востокъ и до лопскихъ поселеній на сѣверъ; но и эти, покинувшиѣ свои сельбища въ Заволочьѣ, на великихъ сѣверныхъ волокахъ между Печорою, Двиною и Онегою, Финны не цѣликомъ ушли въ нынѣшнія мѣста жительства и при томъ отнюдь не за одинъ походъ совершили свое переселеніе, такъ какъ въ Петрозаводскомъ, Олонецкомъ и Повѣнѣцкомъ уѣздахъ Прионежскаго края они оставили спова часть своихъ однородцевъ, которые и понынѣ живутъ здѣсь подъ именемъ Кареловъ или «дѣтей Карельскихъ» нашихъ лѣтописей; нѣкоторая часть общей массы двинулась черезъ Волховъ, перешла въ систему Невы и отчасти Финскаго залива и подъ именемъ «Води» и «Савакотовъ» стала извѣстна Русскимъ; тутъ къ сельбищамъ Води подошли черезъ нѣсколько времени съ сѣвера сельбища финляндскихъ Финновъ, обогнувшихъ Ладогу, и такимъ образомъ спова пришли во взаимное со-прикосновеніе двѣ группы, когда-то отдѣлившіяся другъ отъ друга ради исканія лучшихъ мѣстъ. Въ то же самое, время какъ одна финская волна двигалась на западъ, другая пошла къ Волгѣ и еще южнѣе и породила Финновъ приволжскихъ, прикамскихъ и присурскихъ.

Хоть и непріглядна страна, которую изстари повелось называть Іерви-маа или страною озеръ, хоть и нѣтъ въ ней роскошныхъ пастбищъ и пахатей, пригодныхъ для того человѣка, который уже поотсталъ отъ первичной заботы о сегодняшнемъ днѣ и задумался о томъ, что будетъ онъ юсть завтра и далѣе; но для того, кто еще не додумался до возможности жить благодаря разведенію прирученныхъ животныхъ и посѣву такихъ злаковъ, которые могутъ служить въ пищу человѣку, для того, кто искалъ промысловаго, и лѣснаго, и рыбнаго простора, какъ по лѣсамъ, такъ и по рѣкамъ и озерамъ, — для такого дикаря и воды и дебри были желаннымъ мѣстомъ, и издавна стремился туда потокъ народный, когда-то двинувшійся въ Европу изъ Азіи. Обширные лѣса давали и звѣря всякаго, и дичи вдоволь; раскинулись на цѣлые тысячи верстъ привольныя озера, а изъ нихъ широкими лентами потекли рѣки отъ озера до озера, вплоть до самого синяго моря: чуть ли не тысячи верстъ можно проѣхать по этой странѣ въ лодкѣ, благодаря тѣмъ протокамъ, которые словно нарочно устроены на этомъ безлюдѣ и бездорожїѣ большими дорогами для промысловаго озернаго человѣка, который охотится за 5 дней пути отъ дома, рыбу ловить верстъ за восемьдесятъ отъ своей хаты, а сѣно косить привыкъ покрайней мѣрѣ днія за три отъ деревни.

Искони вѣковъ облюбилъ Финнъ воду и усѣлся своимъ жильями по воднымъ мѣстамъ, а Карела, и при томъ въ особенности олонецкая, такъ и вовсе водяной народъ. Послѣ долгихъ странствованій, послѣ долгаго исканія удобныхъ для поселенія мѣстъ, изъ всѣхъ Финновъ, какъ выше мы уже видѣли, въ Озерной области осѣли Весь, Карела и Савакоты, а потому ихъ-то описаніемъ мы и займемся въ этомъ очеркѣ и притомъ начнемъ съ Веси, которая для Финновъ княжества играетъ такую же роль, какую Болгары играютъ для наскъ Русскихъ. Весь — древнѣйній финскій народъ и въ языкѣ ея черпаютъ, какъ въ сокровищница гельсингфорскіе лингвисты свою премудрость и архаизмы своего языка. Люди, специально знакомые съ языкомъ

Весенъ, этого уцѣлѣвшаго обломка древности, прямо и безповоротно относять ихъ къ той группѣ Урало-алтайцевъ, которую принято называть въ наукѣ западнофинскою и которая по отношенію къ Финнамъ Финляндіи представляется какъ бы самимъ старшимъ ихъ братомъ; не недавно, и чуть ли не съ самой той поры, какъ зачалась русская исторія въ смыслѣ государственности, а не одной лишь общественности, познакомился русскій человѣкъ съ этими своими соѣдями и сталъ исподволь селиться среди ихъ, благо народъ былъ мирный и только отступалъ передъ наплывомъ русскихъ, новгородскихъ переселенцевъ, въ исканіи приволья и простора прибывавшихъ въ ихъ страну. Встрѣтился онъ съ ними на рекѣ, на озерьѣ, среди дремучаго лѣса, но при встрѣчѣ не обидѣлъ — всѣмъ де-тутъ у насъ простору много, проживемъ мы съѣдями; задумался русскій человѣкъ надъ тѣмъ, что встрѣчные люди далеко не тѣ, что привыкъ онъ видѣть среди русскаго люда, и понялъ, что люди эти и чужаки ему, да и чудные какіе: и личина-то иная, и не казисты на видъ, и роста того не дали, и волосами будто потемнѣе вышли, и глазами выбѣднѣли, и раскосило ихъ, и скулы повыдались. Къ представлѣнію о чудноватости и чужести невольно присоединилось и понятіе о чудовищности этихъ странныхъ, небольшихъ людей, живущихъ въ лѣсахъ и болотахъ, навѣрное знающіхся съ лѣпінмъ и съ водянымъ. Видимое дѣло, что, имѣя подъ рукою такія опредѣленія для встрѣчнаго человѣка, какъ чужакъ, чудной и чудовище, нечего было русскому посельнику задумываться долго надъ общимъ именемъ для всего чужероднаго народа, а потому и назвалъ онъ его «Чудью», что на всѣ три приимѣты годится; заплю словечко въ Новгородъ Великій, а оттуда съ базара попало и въ свитки тѣхъ почтенныхъ старцевъ, что записывали въ наученіе молодымъ поколѣніямъ и дѣло, и бездѣлье, и фактъ, и примѣту, и про войну, и про дождь кровавый въ свои свитки, изъ которыхъ затѣмъ пошла исторія. Стали Новгородцыѣздить для торгу въ разныя мѣста, заѣждали и на югъ, гдѣ встрѣчались и съ греческими торговцами, которые на слово охотливы, а на наживу и того еще больше; умный Грекъ, чтоѣздилъ по свѣту для собственной и чужой науки, изловилъ налету мудрое словечко, записалъ въ свои таблетки и, перевѣрвъ его, выдалъ въ формѣ «Скуфи», такъ какъ буквы ч не могъ найти въ своихъ литерахъ, да и зналъ, что рабы, которые въ его отечествѣ изъ тѣхъ же мѣстъ попадались, вѣчно вмѣсто *скафо* говорили *чахво*; ту же рабью привычку замѣтилъ и сородичъ того Грека, пересмѣшникъ Аристофанъ. Коль народъ — Скуфъ, такъ и земля его — Скуфъ (Скифія), такъ какъ иначе не могъ Грекъ и назвать страну, благо у него на дому, гдѣ поселились Віотійцы — тамъ и Віотія, гдѣ Ахеяне — тамъ Ахаія. Подхватили мудреное словечко у ученаго Грека, и пошла его Скуфъ по свѣту, задавая собою постоянный вопросъ тѣмъ, которые хотѣли понять истинное значеніе этого слова. А между тѣмъ и самъ обозванный такимъ прозвищемъ народъ, да и ближайшіе соѣди его и не думали покидать разъ *уже* вошедшихъ въ обычай названий; послѣднія такъ и дальше пошли и стали излюбленное ими прозвище варыировать на всякий ладъ, и пошли по всей Руси: и Чудъ, и Чудки, и Чухари, и Чухонцы, и за-просто Чуники, благо прозвище послѣднєе давало возможность сострить насчетъ чужеродцевъ. Узналъ потомъ народъ русскій и другія отдалѣнныя пародныя прозвища того, что огуломъ называлъ онъ Чудью, провѣдалъ опять же Богъ вѣсть откуда особыя прозвища для Мокши, Суоми, Коми, Егры, обозвалъ ихъ Мордою, Чухнами, Зырянами и Остяками и только за небольшимъ клошкомъ обширнаго финскаго народа оставилъ стародавнее прозвище Чуди, видоизмѣненія его иногда въ Чухарей. Однако лѣтописецъ прослышилъ и другое прозвище для этой народности и записалъ во многихъ мѣстахъ ее подъ именемъ «Веси», какъ и донынѣ зовутъ ее сородичи сѣверные. Самъ народъ этотъ однако врядъ ли когда зналъ, какъ называютъ его соѣди финскіе и русскіе, и соблюль въ неприкосновенности свое настоящее и исконное прозвище, хотя и многое успѣлъ перенять у Русскихъ, живя такъ долго заодно съ соѣдями. Звалъ онъ себя какъ-то странно, такъ что и самъ теперь едва объяснить можетъ, и только подбирая остатки своего древняго языка и по наведенію можетъ онъ иногда навести спрашивающаго на настоящее значеніе своего прозвища; онъ себя называетъ «Лудиникадъ» и сумѣть

отличить себя отъ сосѣдней Карелы, которая такъ на него похожа и виѣшнимъ обликомъ, и обычаями, и даже языкомъ.

Толкуютъ сами Чудяне свое прозвище такъ, что составилось оно изъ двухъ чудескихъ словъ, изъ которыхъ одно, а именно «лудъ» значитъ — кости, а «игадъ» — старинный, древній, такъ какъ, говорятъ они, и теперь еще старость называемъ мы «ига», «игадъ». Если только такое объясненіе не есть плодъ досужей фантазіи, то по истинѣ не ошиблись Чудяне, назвавши себя такъ, а не иначе, такъ какъ они представляютъ собою чути не самую древнюю отрасль всего

финского племени и въ языкахъ ихъ сохранились самыя древнія формы нынѣшнихъ финскихъ словъ и формъ: тутъ-то, видно, и раздѣлились пришельцы на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна двинулась на сѣверъ къ перешейку между Ладогой и Онегой, а другая на западъ, по южному берегу Ладоги. Тогда станетъ совершенно понятнымъ, почему Карела ближе всего подходитъ къ Чуди, такъ какъ она отдѣлилась отъ по-слѣдней раныше всѣхъ остальныхъ народовъ финскихъ.

Какъ нынѣшнихъ петербургскихъ и новгородскихъ Финновъ зналъ лѣтописецъ подъ именемъ «Води», такъ и Чудь онъ зналъ подъ именемъ «Веси»: прослышилъ онъ это послѣднее прозвище отъ ихъ же, вѣроятно, собратьевъ, такъ какъ по-русски «Весь» ничего не значитъ, тогда какъ по-фински имѣеть значеніе; какъ во многихъ мѣстахъ дѣлали пришельцы, такъ вѣроятно поступили и Русскіе здѣсь: прияя въ какую нибудь новую землю, они всегда старались узнать у туземцевъ, какъ называется вновь открытая ими земля, и для этого, указывая на землю, и задавали вопросъ: туземцы не понимали цѣліи вопроса, да и самаго вопроса, полагали,



Карелы и Весяне.

что спрашиваютъ ихъ, какъ по ихнему земля называется, и сказывали, что земля по ихнему называется такъ-то; такимъ образомъ окрестили Крестоносцы Лифляндію, такъ же точно происходило дѣло и во многихъ другихъ мѣстахъ, такъ же точно случилось и съ Русскими, встрѣтившимися впервые съ Чудью, съ тою линіе разницею, что пришли они въ землю послѣднихъ по искони излюбленнымъ путемъ, по водѣ въ лодяхъ, а потому при вопросѣ и должны были указывать на воду: вода по-чудски — *вези*, а отсюда и пошла лѣтописная Весь: даже и сѣверные одноклещенники Чуди называютъ ее Венсами, передѣлавъ слово подстать своему говору. Толкуютъ однако и иначе происхожденіе слова «Весь», хотятъ его съ финского же языка вывести, да по своему, отъ глагола «веппаан», что значитъ — бросать, швырять, покинуть, и утверждаютъ, что Финны покинули Весь, оставили ее на прежнемъ мѣстѣ жительства, а сами ушли искать лучшихъ мѣстъ, удобныхъ для поселенія, на сѣверъ и западъ: говорятъ они, что и «лудун» значитъ — двигаться, шевелиться, идти.

Съ давнихъ, незапамятныхъ временъ, когда еще и слыхомъ не слыхать было о Русскихъ, широкая Свирь, а по-чудски — Сюверель или Глубокая рѣка, служила гранью между поселеніями чудскими и карельскими, по повидимому грань эта не дѣлала розы, и народы эти жили между собою въ дружбѣ. Такъ и жили оба народа, пока корысть и поиски за одиночествою не двинули сюда Русскихъ: одни изъ нихъ шли въ невѣдомыя мѣста ради уединенія и сиасенія души, другіе шли забирать земли и угодья ради наживы; это движеніе въ обоихъ своихъ проявленіяхъ, иноческому и чисто захватному, шло и совершилось по давно заведенному обычаю, по тому пути, котораго ни строить, ни расчищать не приходилось, а который указанъ самою природою и пролегалъ по течению рѣкъ Свирь, Ояти и Папи; рѣки эти глубоко врѣзывались внутрь страны и поневолѣ манили колонистовъ; въ особенности первая была и широка, и глубока.

бока, и привольна для плаванія; понятно, что на нее прежде всего обратили вниманіе пришельцы и раньше заняли ее, основавъ лишь рѣдкія поселенія на устьяхъ рѣкъ Паши и Ояти и въ тоже время раскинувшись по всей Свири цѣлую массу сельбищъ. Все это вело къ тому, что Весь поневолѣ раньше и раньше была отодвинута отъ Свири, нежели отъ Паши и Ояти, а теперь успѣла обрушить уже и вся Паша, и только Оять да Ладва дальняя борются еще со всесокрушающимъ русскимъ вліяніемъ, хотя и оттуда съ каждымъ десятилѣтіемъ Чудь отодвигается въ смыслѣ иородности: держится еще чудская рѣчъ и чудская повадка и въ глухой и дикой Бѣлозершинѣ,



Чудское поселеніе близъ Ояти.

гдѣ, пожалуй, и до сей поры не услышишь ни одного русского слова. До сихъ поръ уцѣлѣли эти мѣста отъ русского наплыва и вліянія, благодаря тому, что сама природа будто вступилась за ихъ национальность и защитила отъ погибели; ненроходимыя топи, скалистыя сельги и непролазные лѣса стоять на стражѣ этихъ чисто чудскихъ уголковъ; зимою не проѣхать туда за бездорожьемъ отъ снѣговъ, а лѣтомъ разойдутся болотца, и рѣдкій путникъ рискнетъ проѣхать въ самое сердце Чудской земли въ придуманномъ на ту нужду мѣстномъ экипажѣ — смычкахъ, гдѣ ему ни повернуться, ни ногами пошевелить невозможно.

Какъ бы то ни было, но и теперь еще Весь занимаетъ своими сельбищами весьма значительную территорію, обнимающую собою почти весь Лодейнопольскій уѣздъ Олонецкой губерніи, значительную часть Тихвинскаго и Бѣлозерскаго уѣздовъ Новгородской губерніи и часть Весьегонскаго уѣзда Тверской губерніи; какъ ни широко однако раскинулась Весь въ территоріальномъ отношеніи, населеніе здѣсь очень рѣдко въ силу самыхъ природныхъ условій, и, занимая пространство, почти равное площади Швейцаріи, количественно Весь не сравнится даже и съ жителями республики Андорра; всего Веси, если вѣрить даннымъ, собраннымъ администрациєю, до 25,000 душъ обоего пола, но на самомъ дѣлѣ, говорятъ, ее больше, — тысячу до 35.

Достаточно взглянуть лишь на Весина, чтобы сразу примѣтить ту разницу, котою онъ отличается отъ своего сосѣда—Русскаго; окружи Весина цѣлою толпою Русскихъ, да подбери еще къ нему и Русскихъ-то такихъ, что лицомъ почти въ него вышли, такъ и то выдастъ его раскосость, свѣтлоглазость и скучасть, которыя у Русскаго замѣтишь лишь въ весьма малой мѣрѣ. Ростомъ Чудяне не особенно выдаются изъ среды окрестнаго русскаго населенія и принадлежать къ числу людей средняго роста, причемъ послѣдній колеблется между 37 и 39 вершками: видно, холодный климатъ и невзгоды не смогли вымельчить Чудь, какъ мѣстами вымельчились Руссіе, попавши даже и въ такія благословенныя страны, каковы Тамбовская и Воронежская губерніи; впрочемъ такой ростъ служитъ лишь на пользу Веси по той простой причинѣ, что ихъ рѣдко берутъ во флотъ, куда то и дѣло попадаютъ мѣстные Русскіе, которые противъ нихъ ростомъ не вышли, да заявились за то коренастѣе и уклюжѣе, т. е. именно такими, какіе требуются для флотской службы; нужда сдѣлала Чудянъ слабыми, а отсутствіе промысловъ — неуклюжими, недогадливыми и несмѣтливыми, и русскій человѣкъ, говоря о Веси, постоянно упоминаетъ, что очень уже вѣдь они «просты». Вполнѣ худыхъ среди Чуди мало, также точно какъ и такихъ, которыхъ можно причислить къ одутловатымъ и толстымъ; по большей части, Весь по сложенію своему представляеть счастливую середину, хотя и выказываетъ скорѣе наклонность къ худобѣ, что легко можно объяснить далеко не блестящими условіями ихъ жизни, при напльвѣ болѣе смѣтливыхъ и изворотливыхъ Русскихъ. По цвѣту кожи, пожалуй, и не отличишь Весина отъ Русскаго, такъ какъ на открытыхъ мѣстахъ цвѣтъ этотъ является окрашеннымъ во второй отъ свѣтлѣйшаго тонъ, а на закрытыхъ — такъ и вовсе представляется въ тонѣ наиболѣе свѣтлому, котораго иной разъ не найдешь и у несомнѣннаго Русскаго. Чрезвычайно интересно однако, что Чудяне, несмотря на частыя скрещиванія, не утеряли своей основной для кожи окраски и въ большинствѣ случаевъ даютъ свѣтлоко-ричневую или свѣтлобуроватую окраску, что лишь въ весьма рѣдкихъ случаяхъ можно наблюдать у Русскихъ.

Хоть и увѣряютъ про всѣхъ Финновъ вообще, что они бѣлокуры и бѣлобрысы, но это чисто съ вѣтру явившееся положеніе приходится повидимому оставить, такъ какъ всѣ послѣднія изслѣдованія клоняются къ тому, что Финны скорѣе темноволосы, въ виду того, что таковыми оказались Вогулы, Остяки, Самоѣды и Мордва. Оказывается, что и среди Чуди встрѣчается гораздо болѣе темноволосыхъ, нежели бѣлокурыхъ, точно также какъ и у Кареловъ, не говоря уже о Лопаряхъ и Мадьярахъ. Громадное большинство Чудянъ имѣеть волоса самыхъ темныхъ тоновъ окраски, хотя у малолѣтковъ и подростковъ волосы и свѣтлы. Какъ и у всѣхъ почти остальныхъ народовъ борода, всегда окрашена на одинъ или два тона свѣтлѣе сравнительно съ волосами на головѣ, но все же и на бородѣ волосы у Чуди не могутъ быть признаны свѣтлыми: обыкновенно борода рѣдка и даже вовсе иногда отсутствуетъ, хотя бы по годамъ и должна бы уже вырости, а растительность на тѣлѣ почти никогда не встрѣчается, что составляетъ весьма характеристичный признакъ всего уралоалтайскаго племени, представители котораго постольку лишь обладаютъ болѣе роскошною волосатостью, по скольку они больше смѣшивались съ Русскими и другими хорошо обросшими народами.

Русскій человѣкъ, хоть и обладаетъ значительною наблюдательностью, но, какъ мы видѣли, вдался въ ошибку по части волосъ Чудина, да не ошибся за то, говоря о его глазахъ. Видя постоянно у своихъ сородичей преимущественно темные тоны глазной окраски, понятное дѣло, русскіе насыльники должны были поразиться обычною блѣдностью тоновъ глазъ финскихъ своихъ сосѣдей и сдѣлать изъ этого обстоятельства особенную народную примѣту; насмѣшившія выраженія въ родѣ «Чуди-блѣлоглазой», примѣніаго ко всѣмъ Финнамъ вообще, и «желтоглазаго», какъ называетъ русскій человѣкъ въ Петербургѣ чухонца-хозяина своей закладки — все это весьма вѣрныя примѣты, которыя подтверждаются и при научномъ наблюденіи. Почти никогда не встрѣтишь между Чудью человѣка съ самимъ темнымъ тономъ окраски ириса всѣхъ воз-

можныхъ основныхъ цвѣтовъ, т. е. коричневаго, синяго, зеленаго и темноѣраго, и напротивъ того чаще всего самые блѣдные и средніе тоны; кромѣ того въ громадномъ большинствѣ случаевъ приходится наблюдать отсутствіе темноѣраго цвѣта, который у Чуди является лишь какъ исключеніе; коричневый цвѣтъ тоже встрѣчается очень рѣдко, а напротивъ того зеленоватый цвѣтъ замѣчается чуть ли не у 50 субъектовъ изо ста, причемъ однако нельзя считать этотъ зеленый цвѣтъ вполнѣ характеристичнымъ для народа, а скорѣе позднѣйшее обезцвѣчиваніе голубаго цвѣта, который также чрезвычайно часто наблюдается въ глазахъ Чуди; голубые глаза — глаза юношѣ и молодыхъ дѣвушекъ, а состарѣются они — и цвѣтъ ихъ глазъ приметъ вѣроятно зеленоватый оттѣнокъ. Та кудреватость, которая до такой степени рѣзко характеризуетъ нашу русскую, безиримѣнную голову, только крайне рѣдко встрѣчается среди Веси, да слѣдуетъ замѣтить, что въ этихъ рѣдкихъ случаяхъ кудреватость является какъ бы въ зародышевомъ положеніи и прѣмѣе всего должна быть отнесена къ вліянію помѣси съ приходомъ русскимъ промышленникомъ: въ большинствѣ случаевъ волоса Чуди совершенно мочалообразны и не представляютъ даже и на вискахъ никакихъ закручиваній, часто встрѣчаемыхъ даже и у тѣхъ народовъ, которые отнесены Фридрихомъ Мюллеромъ къ числу гладковолосыхъ. Сразу и почти безповоротно опредѣляется уже съ первого взгляда типичная для Чудянъ форма носа: носъ у Чуди и широкъ, и курностъ, и сплющенъ, и съ раздутыми ноздрями, и съ выступающею изъ-подъ носа мочкою; замѣчено также, что ноздри у Чудянъ не обладаютъ способностью расширяться въ иныхъ случаяхъ, когда онъ расширяются напримѣръ у Русскихъ, т. е. въ моменты озлобленія, испуга и т. п. Губы Чудянъ наблюдались съ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія, а именно со стороны относительной ихъ толщины, а также и со стороны направленія прорѣзи рта и слѣдовательно его положенія; оказывается, что Чудяне обладаютъ далеко не толстыми губами и весьма близко въ томъ отношеніи подходятъ по своей толщинѣ къ губамъ Великоруссовъ, будучи въ то же время толще обычныхъ малорусскихъ губъ. По формѣ прорѣзи своей ротъ Чуди отнюдь не представляетъ собою какого либо типичнаго этническаго признака и расположены онъ въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно правильно и только изрѣдка обладаетъ нѣсколько приподнятыми виѣшними углами. Ясное дѣло, что, не употребляя въ обиходѣ своеи сладкаго, лишенный иногда, и при томъ весьма часто, возможности пить горячій чай, Чудинъ могъ бы обладать хорошими и здоровыми зубами, да и на самомъ дѣлѣ зубы его и велики и хороши; хотя и не принадлежать Чудяне къ Арійцамъ, однако зубы у нихъ не выдаются, рѣзы вставлены вертикально и ничего отличного отъ зубовъ обыкновенного Великорусса не представляютъ. Лобъ у Чуди по большей части плоскій, а уклоняющійся вверхъ лобъ замѣчается лишь въ качествѣ исключенія: эта типичная для Чуди черта тѣмъ болѣе становится замѣтною, что у большинства мужчинъ и женщинъ, такъ называемая, надбровная вышукость вполнѣ отсутствуетъ, также точно какъ и надпереносичная впадина. Чудяне обладаютъ очень красивыми бровями, которые отлично одарены волосами; обыкновенно онъ образовываются весьма рѣзко очерченную дугу и лишь крайне рѣдко вытянуты въ прямую линію, причемъ волосы на нихъ по большей части темнаго цвѣта. Къ числу наиболѣе характерныхъ и притомъ наиболѣе распространенныхъ среди Чудянъ этническихъ признаковъ слѣдуетъ несомнѣнно отнести, такъ называемую на языкѣ народномъ, «раскосость»: весьма рѣдко можно встрѣтить субъектовъ съ горизонтально расположеннымъ прорѣзями глазъ, тогда какъ у большинства виѣшніе углы этихъ прорѣзей приподняты обыкновенно нѣсколько къ верху, составляя горизонталь 25—30°. Ротъ у Чуди малъ и красиво очерченъ, подбородокъ нѣсколько остръ, и все лицо угловатоострое, что зависѣло конечно отъ сильной скуластости; уши не велики и въ особенности у женщинъ хорошо очерчены, хотя и отдѣляются нѣсколько впередъ. Въ антропологическомъ отношеніи Чудь отличается отъ своихъ соплеменниковъ большою шириной лба; затѣмъ лицевой уголъ ея, по близости котораго къ прямому когда-то судили объ умственныхъ способностяхъ племени и человѣка, равняется лицевому углу Финновъ изъ Финляндіи и довольно великъ; по скуластости они зани-

маютъ послѣ Остяковъ слѣдующее мѣсто, а по выдавшимся салазкамъ первое мѣсто, что придаетъ ихъ лицу чрезвычайно угловатую форму. Чудяне въ большинствѣ являются очень коротко-и круглоголовыми, занимая въ этомъ отношеніи въ ряду остальныхъ народовъ финского происхожденія чуть ли не первое мѣсто. Таковъ обликъ Чудина въ отличіе отъ его сосѣдей.

Вьюгами, мятелями и холодомъ обездолила повидимому природа Чудина, но вмѣстѣ съ тѣмъ дала ему въ изобиліи и средства укрыться отъ этихъ напастей, такъ, какъ не суждено отъ нихъ укрываться нашему крестьянину центральныхъ губерній: лѣсу вокругъ народилось —



Озерной видъ.

дѣвать некуда, а въ лѣсѣ-то и есть его защита. Живя въ этомъ лѣсномъ привольѣ, обстроился Чудинъ такъ, какъ и средней руки состоятельному человѣку въ иномъ мѣстѣ не обстроиться; какъ онъ прежде жилъ, того мы не знаемъ, а теперь срубилъ онъ себѣ жилье на исконный новгородскій ладъ, но все-таки не совсѣмъ, а внесъ въ постройку и кое-что свое, что сразу обличаетъ въ хозяинѣ не русскаго озернаго человѣка, а инородца; до многаго въ постройкѣ и приладѣ онъ не додумался, а многое даже ему и не по вкусу пришлось, и устроился онъ, хоть на общи манеръ, а все же по-своему. Изба у него двухъ-этажная, да нижній этажъ не облюбилъ Чудинъ для жилья, а сталъ онъ туда складывать рухлядь всякую, кое-что по хозяйству, сѣти и прикладъ весь рыболовный, а зимою не задумался туда же свалить и польсовщину свою, уловъ, муку, толокно и рѣпцу; тутъ жѣ въ нижнемъ этажѣ или, какъ здѣсь выражаются, въ строѣ, помѣщается объемистый чанъ, въ которомъ непремѣнно уже находится мѣстное питье, общеупотребительное и любимое, принятое и желанное у Русскихъ, и у инородцевъ — рѣпный квасъ, о которомъ даже легенды въ области сложены. Въ виду того, что Чудинъ ушелъ жить въ надстрой или во второй этажъ, не потребовалось ему туда

внизъ и свѣта много, а оказалось возможнымъ прорубить въ строѣ и мало, и малыя оконца; не въ обычаѣ въ эти оконца стекла вставлять, а по большей части заткнуты они чѣмъ попало, только бы не очень уже настудить строй, такъ какъ стыдъ оттуда проберется и въ надстрой и выживетъ оттуда жителей, хоть къ холоду они и привычны съ малолѣтства. Есть и еще одна характерная черта въ чудскомъ домѣ, и странное дѣло, почему русскій человѣкъ отчурался отъ одной хорошей чудской выдумки, которая пригодна была бы вся кому; съ передняго фасада проложена подъ крышею чудской избы жердина, а на жердинѣ приложена вяленина: 2—3 окорока мяса, а то, за недостаткомъ, такъ и другія какія нибудь части убоины. Чудь єсть вяленину, а Русскій какъ-то на нее не падокъ, а потому и єсть хуже Чуди. Наконецъ, признать чудское жилье можно еще и по отсутствію дымовой трубы, хотя во всѣхъ русскихъ окрестныхъ избахъ не найдешь и намека на черную топку; у Чуди всегда продѣлана въ крыши особая дверца — «хайлъ», такъ какъ иначе отъ дыма житья бы въ избѣ во время топки не было. Къ избѣ сбоку приложены кое-какія приступочки (ступеньки), а по нимъ взбираешься и на крылечко; крылечко это очень мало, такъ что по русскому обычаю семьѣ низачто на немъ не умѣститься лѣтомъ обѣдать, на немъ вообще не очень-то и безопасно, такъ какъ оно безъ перилъ, да и слажено некрасиво, безъ крыши, на кривыхъ сваяхъ съ необчищеною корою и куда какъ неказисто на видъ — знать, не дошелъ еще Чудинъ умомъ до сознанія красоты. Неуклюжая дверь, часто безъ щиколды, ведеть съ крыльца въ сѣни; у двери этой найдутся косяки, у оконъ же зачастую нѣть оконниковъ, а рамы прямо вставляются въ надрубки въ бревнахъ, такъ какъ пользы отъ оконниковъ не созналъ еще Чудинъ и пока обходится еще безъ нихъ; сѣни хоть и длинны бывають, а въ ширину захватывають не большие трехъ аршинъ и притомъ освѣщаются лишь тогда, когда отворяютъ входную дверь, такъ какъ наддвернаго оконца Чудь не дѣлаетъ, словно хочетъ побольше укрыться отъ свѣта. Тутъ же, вправо отъ двери и притомъ отъ нея весьма близко, приложивается спускъ въ строй, но приложивается плохо и будто на скорую руку; въ сѣняхъ четверо дверей, изъ которыхъ однѣ входныя съ крылечка. Налѣво отъ входной двери прорубается обыкновенно дверь, ведущая въ жилую горницу, и опять же съ косяками; чуть войдешь въ горницу, какъ тотчасъ же поневолѣ поразишься иѣкоторою особенностью, которая вполнѣ ясно доказываетъ, что хозяева не русскіе люди и не переняли даже у Русскихъ ихъ манеры устанавливать въ горницѣ мебель: прямо передъ дверью, между двумя окнами, стоитъ большой семейскій столъ, которому въ русской избѣ мѣсто назначено въ красномъ углу, подъ тябломъ. Вокругъ всей горницы, начиная отъ входной двери и вплоть до печки, тянется сплошная лавка, неудобная для спанья и крайне узкая, а надъ нею идетъ полица, куда прячутъ шапки рукавицы и всякую мелкую домашнюю рухлядь; если брать отъ печного угла, то въ противоположномъ углу помѣщается обыкновенно тябло со старинными, большою частью, иконами, такъ какъ послѣднія большие почитаются Чудянами, хотя и не всѣ они придерживаются старой вѣры; любить Чудинъ изукрасить тябельный уголъ разными картинами духовно-нравственного содержанія и литографіею раки Св. Александра Свирскаго, котораго всѣ, и Русскіе, и инородцы, знаютъ въ Озерной области за своего заступника при жизни и по смерти. Въ правомъ углу помѣщается громадная глинобитная печь, облицованная иногда кирпичемъ; глинобитная работа эта выполнена съ такимъ искусствомъ, что можно дивиться, увидавъ, какъ все это плотно и прочно сдѣлано; надъ членомъ этой печи, въ ноголѣ продѣлана дыра, закрываемая особою дверцею или заслономъ, а обокъ съ печью стоитъ уемистый чанъ, въ которомъ при нуждѣ рыбу чистятъ, а когда и руки моютъ; отъ вѣшняго выступа печи протягивается веревка, а на нее взвѣгается занавѣска, отдѣляющая отъ горницы женское и дѣтское царство, гдѣ идетъ вѣчный гомонъ и куда не всячаго тоже впустятъ; все здѣсь установлено горшками, плошками и другою посудою, а также слышится пискъ и визгъ дѣтей. Другая дверь изъ сѣней, расположенная напротивъ входной, ведетъ въ «пологу», гдѣ лѣтомъ спятъ семейскіе, а зимою хранятся припасы разные, шкурки и

тому подобные предметы. Наконецъ, четвертая дверь ведетъ «на сарай», расположенный обыкновенно во второмъ этажѣ; есть въ сараѣ полъ, сдѣланный изъ круинаго накатника, и помѣщаются въ немъ кормъ для скотины, земледѣльческія орудія, телега, сани, дровни и смычки, коли имѣются; въ полу продѣланы двѣ или три двери, при посредствѣ которыхъ сарай сообщается съ «поскотницей» или дворомъ, помѣщающимся въ нижнемъ этажѣ; тутъ, въ поскотнице живетъ скотина, которой рѣдко много бываетъ у Чудина; какъ сказано выше, изъ поскотницы въ надѣстрой ведетъ обыкновенно лѣстница, безъ перилъ и сложенная кое-какъ, на-скоро. Со двора, со втораго этажа спускается на заднемъ фасадѣ избы «спускъ» или «взъѣздъ», сдѣланный опять же изъ накатника и служащий для прямаго сообщенія сараевъ съ землею. Вблизи отъ дома, шагахъ въ 30—40 отъ него, поставлена «ригѣ», или гумно, сложенное безъ пути изъ криволѣсія, очень неряшливо, съ дверью и двумя дырами для выхода дыма; такая неряшливость постройки объясняется тѣмъ, что «ригѣ» горятъ очень часто, а потому и не приходится особенно стараться въ ихъ постройкѣ; величина она очень мала, такъ какъ и хлѣба-то рождается у Чудина мало, и довольно ему его маленькой ригѣ на его потребу. Есть и еще подѣль чудскаго жилья своего рода особенность, вещь хозяйственная, обусловленная тамошнею нуждою, невозможностью собирать совершенно спѣлый хлѣбъ, изъ боязни, чтобы, пока ждешь его доспѣли, не побили все морозы: недалеко отъ деревни, а иногда и за нѣсколько верстъ отъ нея, протянулось маленькое поле, а у поля возвышается «зарода», то одному счастливцу принадлежащая, а то и цѣлой деревнѣ, благо немногого на ней сушиль приходится и хватить ея одной на всѣхъ однодеревенцевъ. Зарода — это двѣ тычины съ попечечными перекладинами, на которыхъ вѣшаютъ снопы для «дохода и доспѣли» на солнцѣ. Есть подѣль избы и баня, для мытья и какъ жилье, излюбленное «кюльветъ-ижанда», доброго божка, съ которыемъ Чудь старается жить въ мирѣ и добромъ согласіи, а не то онъ хоть кого со свѣту сгонитъ.

Куда какъ богаты рѣки, рѣчки и озера чудскія всякою рыбою, а лѣса ихъ дичью и звѣремъ всякимъ, а Чудинъ все же таки Ѵсть не такъ, какъ бы подобало ему Ѵсть на такомъ раздольѣ, и не потому, что лѣнится онъ для своей Ѵды походить да поохотиться, а потому лишь, что смотрѣть на свою Ѵду, какъ на что-то неважное, и несетъ лучшій кусокъ либо въ городъ, либо къ скучищу. Ужъ на что не взыскательна капуста, а и той не писано на роду у Чудина въ огородѣ расти, также точно какъ и луку, такъ какъ не могутъ эти русскіе любимцы справиться съ позднимъ тепломъ да съ раннимъ холодомъ; хрѣнъ не повкусу Чудину пришелся — не Ѵсть онъ его вовсе, хотя и хорошъ онъ въ этихъ мѣстахъ противъ цынготной болѣзни. За всѣ овощи эти несетъ тяжелую службу и идетъ во всякую Ѵду рѣпа, которую русскій сѣверный острякъ величаетъ въ шутку своимъ «ананасомъ», — до такой степени она ему любезна: и въ уху онъ нарѣшилъ, и запечетъ ее, и парить, и варить, да не прочь и сырьемъ Ѵсть; есть почетъ рѣпѣ и отъ Чуди, и безъ нея Чудинъ не сядеть и за столъ; наконецъ либо онъ, либо Карелякъ первый умудрился сдѣлать изъ рѣпы квасъ или, вѣрнѣе, ту муть, что непривычному человѣку и не выпить и что вкусомъ смахиваетъ на имбирный квасъ. Горохъ Чудяне не долюбливаютъ, а держатся крѣпко ячменя, изъ котораго дѣлаютъ очень крупную крупу и пекутъ изъ нея калитки или пирожки; такимъ же почти почетомъ пользуются и бобы, которые опять-таки Ѵдятъ всячески и лущатъ даже и Ѵдятъ сырьемъ въ видѣ особаго лакомства. Великимъ подспорьемъ въ пищѣ являются для невзыскательнаго Чудина разные грибы, а въ особенности волнуха и рыжикъ, которыхъ и варятъ, и жарятъ, и солятъ впрокъ. Умудрилась Чудянка изъ гриба и свое парадное блюдо придумать — «сень»: для этого волнухи прежде всего варятъ и затѣмъ поджариваютъ вмѣстѣ съ коноплянымъ сѣменемъ на сковородкѣ; коли «сень» сдѣлана съ масломъ и мукою, то она называется уже «кобе»; даже и простые блины любить Чудинъ Ѵсть не по-просту, а нарѣжетъ намелко рыжиковъ, да и наложитъ ихъ на блинъ. Но главнымъ и самыемъ любимымъ блюдомъ Чуди, а вмѣстѣ съ тѣмъ и самыемъ отвратительнымъ для тѣхъ, кто не очень сильно голоденъ, слѣдуетъ признать такъ называемую «загусту»; придумала загусту голодовка,

а дѣлается она изъ мучныхъ остатковъ: пособереть хозяйка крыльшкомъ эти остатки въ мучницѣ, всыпать въ воду, хорошенъко взболтаетъ, и готова загуста — жидкій клейстеръ, бѣдовая ёда. Есть Чудинъ въ опредѣленные сроки; нѣтъ у него того русскаго обычая, что стоитъ хлѣбъ и солоница весь день на столѣ, такъ какъ хлѣбъ здѣсь въ диковину. Часу въ девятомъ утра положено быть первой ёдѣ, завтраку; тутъ припасено у доброй хозяйки и рѣдкы, и рѣпы, и хлѣбца ломотокъ, и малыи вареной (мелкая рыбешка) поставецъ; иная подсушитъ ее маленько на сковородкѣ и хвастается: «мы-де нынче малыю жарили». Въ полдень бываетъ главная ёда — обѣдъ, гдѣ уже безъ горячей стравы никакъ не обойдется, да приходится и побольше пойѣсть, такъ какъ за ужиномъ ужъ не ёда, а только закуска, на что и изложена русская поговорка: чего за обѣдомъ горшокъ, того за ужиномъ на донышкѣ. Обѣдъ бываетъ разныи, смотря по достаткамъ хозяевъ; готовятъ и щи, только безъ капусты за ея недостаткомъ, а съ картофелемъ и крошеною, нечищеною мальею; пекутъ блины съ рыбою, съ рыбниками, а то такъ и съ брусникою; подаютъ тоже и мясное, и рыбное: сиги соленые, мясо провѣсное, которое виситъ у Чудина подъ крышею. Понятное дѣло, что въ праздникъ расщедрится хозяйка и на муку и испечетъ рыбникъ, причемъ съ рыбы чешуи не снимаются. Кто побогаче, тотъ купитъ въ городѣ въ трактирѣ чаю спитаго и идетъ его тутъ-же за обѣдомъ. Дичь не ёдятъ, потому въ продажу идетъ, зайчину есть не водится, а медвѣжатина — та же человѣчина, такъ какъ Чудинъ убѣжденъ, что медвѣдь прежде тоже былъ человѣкомъ, да наказанъ отъ Бога за свою гордость. Что остается отъ обѣда, то подаютъ на ужинъ, за который садятся часу въ девятомъ вечера, а послѣ ужина пора и спать — не жечь же свѣчи.

Если въ нынѣшнемъ чудскомъ языкѣ пособрать все древнія слова, то можно получить весьма ясную и опредѣленную картину той степени культуры, на которой стояла Чудь въ моментъ встрѣчи своей съ Русскими и иными культурными народами, имѣвшими тогда уже исторію, и познать, во-первыхъ, съ какимъ запасомъ знаній явилась она въ Озерную область, а во-вторыхъ, что именно и у кого перенимала она и чому отъ кого научилась. Знала Чудь изъ домашнихъ животныхъ собаку, корову, быка и лошадь, но не имѣла понятія объ овцѣ и баранѣ; не имѣя подходящаго слова для обозначенія этихъ двухъ животныхъ, Чудь позаимствовала имъ отъ чужестранцевъ, а именно познакомилась съ овцою отъ Шведовъ и назвала ее «ламбасъ», не различая еще овцу отъ барана, такъ какъ съ различiemъ этимъ она познакомилась видимо черезъ Русскихъ, принявъ для барана то же слово. Врядъ ли и козу водила Чудь и познакомилась съ нею черезъ Русскихъ, тогда какъ про свинью она видимо впервые узнала отъ Шведовъ, что видно и изъ самаго названія свиньи по-чудски — «сиги»; только поросенка указала Чуди Русскій, а потому и называется онъ «сурсайнъ». Ясное дѣло, что если были у Чудянъ коровы, то занимались они, значитъ, и хозяйствомъ молочнымъ, что и доказывается между прочимъ тѣмъ, что въ языкѣ ихъ существуютъ выраженія для теленка, молока, доенія, масла и даже сыра. Познакомившись съ овцою черезъ Шведовъ, конечно, не могла Чудь научиться стричь овецъ у Русскихъ, а вѣроятно и этимъ позаимствовала у первыхъ, что видно и изъ самаго названія шерсти — «вилла», въ которомъ однако нѣкоторые лингвисты не могутъ воздержаться отъ того, чтобы не увидать русскую «волну». Домашней птицы Чудяне видимо не держали, а потому и переняли ея названіе отчасти у Русскихъ, а отчасти у Шведовъ; такимъ-то путемъ явились у нихъ: «ципунъ» — курица, «ханхъ» — гусь; можно было бы подумать, что Чудь знала утку домашнюю, такъ какъ въ языкѣ ея имѣется для обозначенія ея свое, доморощенное слово — «сорзы», но такое исключеніе объясняется тѣмъ, что Чудь знала только дикую утку, во множествѣ населявшую болота Озерной области, и умѣла называть только именно ее.

Принужденный вести преимущественно бродячую жизнь то вслѣдствіе миграцій своихъ, а то вслѣдствіе охотничьяго свойства своего быта, Чудянинъ конечно не могъ заниматься землемѣлемъ; можно усомниться даже въ томъ, чтобы онъ дѣлалъ въ то время запасы сѣна для

скота, такъ какъ и для этого продукта они переиначили русское слово и говорятъ «хена». Конечно, они могли знать о существованіи полезныхъ злаковъ, что доказывается присутствіемъ въ ихъ языкѣ такихъ словъ, какъ «кего» — мякина, «олгъ» — солома, «ювель» — зерно и даже «осра» — ячмень, но никогда не выражали они ихъ, такъ какъ названія хлѣбовъ, орудія обработки и принадлежности земледѣлія переняты ими отъ другихъ народовъ; такъ «пельдъ», «одра» (соха), «агехъ» (едде), «кагръ» (овесь) и «олудъ» (пиво) узнали они черезъ Шведовъ, тогда какъ черезъ Русскихъ познакомились съ возможностью «касартада», съ «чебъ», «тугодъ» (яровое), «бабу» (бобъ), «ябко», «картофъ», «хюмаль», «нижо» (шеница, низовой хлѣбъ), «люнадъ» (конопля, смѣшанная видимо со льномъ), «сирпъ», «кашъ», «лейба» и «суйоль». Наконецъ, при посредствѣ давнишнихъ своихъ сношений съ Водью, а черезъ эту послѣднюю и съ Литвою, Чудь научилась въ томъ же отношеніи кое-чemu и у Литвы, что видно изъ «ваго» (борозда), «ругишъ» (рожь), «хернехъ» (жирнись — горохъ), «сигло» (секла — рѣшето), «яухъ» (явай — мука); переняла Чудь и одно орудіе отъ Литовцевъ, которымъ можно было не нагибаясь срѣзать колосья; въ отлічіе отъ русского серпа, орудіе это называли «литовъ» — коса. Даже для выраженія «молотъ» нѣтъ у Чуди подходящаго слова и пришлось составлять новое: такъ какъ прежде не мололи, а просто давили камнемъ, то и вышло «кивиль яухтада» — т. е. камнемъ въ муку обращать. Если мы и найдемъ у Чуди нѣсколько терминовъ, относящихся къ земледѣлію, какъ напримѣръ *херехъ*, *куидъ*, *ауме*, *нерте*, *пурну*, *сууримъ*, то это еще вовсе не доказываетъ того, что Чудь знала о всемъ этомъ именно въ такомъ смыслѣ: такъ «херехъ» значитъ прежде всего грязь, а отсюда уже навозъ, *куидъ* вовсе не только ленъ, а однозначуще съ финскимъ *куйтту*, что обозначаетъ всякое волокно; *ауме* и *нерте* обозначаютъ прежде всего вообще кучи, *пурну* — есть вообще чуланъ, а слѣдовательно и амбаръ, и наконецъ *сууримъ* есть не что иное, какъ производное отъ *суури* — большой, крупный. Дошедши издавна до разработки металловъ, славившіеся еще во времена Нестора кузнецы — Финны, а слѣдовательно и Чудь, должны обладать богатымъ запасомъ словъ, относящихся къ металлическимъ производствамъ; и дѣйствительно, мы находимъ это богатство у Чуди. Все кузничное производство было имъ прекрасно знакомо, такъ какъ для каждой мельчайшей подробности въ кузничномъ дѣлѣ они имѣютъ свои слова; изъ металловъ знали они о мѣди и серебрѣ, тогда какъ про желѣзо узнали видимо отъ Русскихъ (рауда), а съ золотомъ и оловомъ познакомились черезъ Шведовъ (кюльдъ и цина). Слѣдуетъ замѣтить, что молотокъ по-чудски называется *киви*, т. е. камень, что указываетъ на тѣ времена, когда молоты дѣлались еще изъ камня. Въ пряжѣ и тканѣ Чудь была не сильна, такъ какъ самая пряжа, напримѣръ, называется «лане», а это значитъ и нитка вообще и даже проволока; *кера* не только не обозначаетъ именно клубка нитокъ, но вообще — куча, свертокъ, комъ; русское слово «ткать» было слишкомъ трудно для чудского выговора, а потому и говорять они «куттода»; самую ткань называютъ они вообще покрышкою — «кангасъ», а для холста прямо заимствовали готовое русское слово. Глаза Чуди могли разбирать лишь бѣлый, желтый, зеленый и черный цвѣта, тогда какъ синій переняли они отъ Русскихъ также точно, какъ и красный, который они и назвали по преимуществу «рускедъ», въ виду того, что сами облюбили синій цвѣтъ. Жила Чудь въ рубленныхъ и раздѣлявшихъ на отдельныя горницы (тенназь) домахъ; слѣдуетъ однако полагать, что въ ихъ жилищахъ оконъ не было, а свѣтъ проникалъ только черезъ двери (уясь); не было при домѣ ни сада, ни огорода, но была баня, хотя она и считается національно русскимъ изобрѣтеніемъ; не только для бани есть особое слово въ чудскомъ языкѣ, но имѣется даже и особый божокъ, ею завѣдующій. И красть-то было, вѣроятно, въ домахъ нечего, да и не предстояло въ кражѣ нужды, а потому и двери домовъ видимо не запирались; съ запорами и съ ихъ необходимостью познакомились Чудяне черезъ Шведовъ, что видно изъ слова «луколь» — замокъ, происходящаго отъ древне-скандинавскаго и готскаго — луканъ, со хранившагося до сихъ поръ въ английскомъ — to luck. Ясное дѣло, что, находясь на низкой



Обруствший чудской поселокъ на р. Ояни.

ступени цивилизациі, Чудь не торила дорогъ, а ходила тропами — «тие», зимою ходили они по снѣгу на «сукси» — лыжахъ, а изъ экипажей были знакомы съ «реги» — дровни, тогда какъ съ санями и кнутомъ видимо спознались черезъ Русскихъ, что видно изъ словъ «сань» и «розге». Въ горницахъ у нихъ скамеекъ не было, хотя они и знали постель, которую называли спальницею — «удадъ»; для удобства клади они подъ головы подушки — «реэала» (изголовье); тутъ же въ комнатѣ стоять ушатъ («корвай» отъ «корва» — ухо), а при печкѣ былъ котель, ковнѣ и не хватало лишь блюдъ, ложекъ и вилокъ. Одѣвался Чудинъ попросту; на немъ была рубаха (пайдъ), штаны (кидіадъ), онучи (хитрадъ), берестовыя лапти (вирзудъ), кожухъ (пойхъ), а на голову надѣвали онъ кошель (кукоръ); бабы просто ходили въ рубахахъ, такъ какъ слово юпка заимствовано изъ русскаго языка; волосы падали распущенныя по плечамъ, такъ какъ и для косы слова своего не имѣютъ; на шеѣ у женщинъ, а также вѣроятно и у мужчинъ, во множествѣ висѣли бусы (кирь), а на пальцахъ у нихъ надѣты были большия перстни (сормузъ); маленькия колечки переняла Чудь у Шведовъ и называла ихъ «ринхайнѣ». Очень понятно, что писать Чудь вовсе не умѣла, хотя, по всѣмъ вѣроятіямъ, подобно остальнымъ народамъ финскаго происхожденія, обладала какими нибудь знаками и тавровымъ инициомъ, что доказывается словомъ *кирвюшада* (писать), которое означаетъ прежде всего рисовать. Знали Чудяне о возможности плавать по водѣ въ лодкахъ (веннехъ), хотя по всѣмъ вѣроятіямъ толкались, а не гребли и неѣхали на парусахъ, мачтъ не водружали; лодки свои они имѣли и находили необходимымъ промаливать (тервестада) и употребляли въ разныя подѣлки веревки (нооръ).

Ни городовъ, ни сель у Чуди не было; тѣмъ не менѣе Чудь признавала и мѣну, и торговлю, хотя и не имѣла ни особаго торгующаго сословія, ни опредѣленныхъ для торговли мѣсть, ни наконецъ денегъ. Все, что касается охоты, было въ точности и въ подробности извѣстно Чуди, какъ видно изъ чрезвычайного богатства всякихъ охотничьихъ терминовъ; при томъ слѣдуетъ замѣтить, что они не только убивали дичь и звѣря, но умѣли уже дѣлать петли (рихмадъ) на мелкую дичь и птицы (ваксъ) на крупиаго звѣря. Особый интересъ представляетъ картина семейныхъ отношеній Чуди, которая семью называетъ также точно, какъ толпу и народъ (канза); имѣя свои собственныя слова для обозначенія членовъ семьи въ тѣскомъ смыслѣ этого слова и для акта женитьбы, Чудь переняла однако русскую свадьбу, приданое, жениха и невѣсту, такъ какъ «найненъ» просто означаетъ зрѣлую девушку. Вѣроятно Чудь никого не изгоняла изъ страны, при своемъ поселеніи, такъ какъ не имѣть попятія о рабствѣ и слугахъ; лодейнопольская Чудь про внука не знаетъ, тогда какъ Бѣлоозерская называетъ его большимъ сыномъ (суури пойгъ); также точно не умѣеть первая различить и невѣстку по-своему, тогда какъ Бѣлоозерцы прямо называютъ ее «пахайненъ тюттеръ» (малая дочь); знала Чудь и про тещу, и про зятя, и даже про деверя. Не знала Чудь и не вѣдала ничего о родинѣ, товариществѣ, дружбѣ, сосѣдствѣ, хотя чужака и сумѣла назвать «віерасъ». Всѣ слова, относящіяся до общественного устройства, несомнѣнно чудскаго происхожденія, за исключеніемъ конечно такихъ, которые предполагаютъ уже болѣе цивилизованный порядокъ вещей; знали напр. Чудяне, что людей можно вѣшать — «риннутада» на висѣлицѣ (риппутезъ) и даже отрубить голову при случаѣ, но не вѣдали ровно ничего о палачѣ, судѣ, законѣ, свидѣтелѣ, ростовщикѣ, и вора называли *вартасъ*, а господина — *бояръ*. Какъ обыкновенно ни печаленъ съ виду Чудинъ, однако и онъ по временамъ услаждался музыкой, играя на прямомъ берестяномъ рожкѣ (торвѣ) и на искривленномъ (сервудѣ); быть и еще одинъ инструментъ у Чуди — *кантелетъ*, но въ настоящее время во всемъ Лодейнопольскомъ уѣздѣ есть одинъ лишь человѣкъ, который не только сыграть можетъ на кантелетѣ (родѣ старинныхъ гуслей), но и сдѣлать его.

Не приходилось, видно, Чуди часто воевать, да и вообще она народъ не воинственный, а потому она и не имѣеть въ языкѣ своемъ особыхъ словъ для обозначенія врага или войны; сосѣдей своихъ однако Чудинъ различать умѣеть и Шведа называетъ *руотшенмесъ*, Русскаго —

венгіанмесъ, Эстонца, Савакота и Водина изъ Петербургской губерніи — *віерасмесъ*, Кареляка — *каріанмесъ* и наконецъ Бѣлозерца — *блозермесъ*. Какъ ни страннымъ кажется, что до сихъ поръ еще въ значительной чистотѣ сохранились такъ близко отъ русской столицы потомки Несторовой Веси, но тѣмъ не менѣе приходится засвидѣтельствовать тотъ фактъ, что между Чудью вовсе незамѣтно слѣдовъ вымиранія; дѣтопроизводительность Чудяновъ далеко не ограничена, такъ какъ средняя дѣтопроизводительность равняется 8,4 ребенка на женщину; правда, что изъ этого числа дѣтей выживаютъ только 58%. Такимъ образомъ ясно, что не вымираніемъ суждено изойти Чуди, а между тѣмъ достаточно даже и поверхностно познакомиться съ ея жизнью, чтобы примѣтить, какъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе отступаетъ она передъ русскимъ вліяніемъ и постепенно русѣетъ. Но и въ этомъ несомнѣнномъ фактѣ быстрого и послѣдовательного обрусьнія опять же не сводные браки и не метисація играютъ главную роль, а только необходимость поддѣлываться подстать болѣе культурной народности; мало-но-малу оставляется народная одежда, за нею вслѣдъ выучиваются, сначала по необходимости, а потомъ и въ силу моды, русскому языку, затѣмъ оставляютъ совершенно свой собственный языкъ, и недавній еще чудской домъ дѣлается вконецъ русскимъ. Топоръ лѣсопромышленника — вотъ орудіе обрусьнія въ Чудскомъ краѣ, и едва пало подъ его ударомъ въ этой глухи дерево, какъ въ чудскомъ поселеніи начинаетъ уже слышаться русское слово; срубленъ лѣсъ — явилась въ чудскомъ поселкѣ церквичка, и не отличишь его уже отъ остальныхъ чисто-русскихъ: только скучасть да бѣлесоватость глазъ жителей напоминаетъ изслѣдователю, что здѣсь живетъ не исконная Русь, а инородецъ.

Мало что помнить Чудинъ изъ своего быаго и когда-то очень богатаго, повидимому, миѳологического прошлаго; теперь всякий Чудинъ только плечами пожимаетъ, когда назовешь ему Вѣйнѣмойнена, Ильмаринена или Похіолу, и увѣряетъ, что никогда и не слыхивалъ ничего о такихъ людяхъ; онъ и не знаетъ тѣхъ, кто прежде и притомъ сравнительно весьма еще недавно заправлялъ его судьбами, и нокинулъ своихъ прежнихъ великихъ богинь и боговъ, ограничиваясь лишь мелкими своими былыми божками, которые все еще неизмѣнно живутъ съ нимъ, вмѣшиваются въ его дѣла и стараются то дѣлать добро, то насолить чѣмъ нибудь Чудину; всѣ эти божки, подъ сильнымъ вліяніемъ христіанства, успѣли уже принять въ народномъ воображеніи полную окраску обыкновенной чертовщины, но и подъ этою чуждою имъ формою все же всегда можно опредѣлить границы ихъ дѣйствія и т. п. Понятное дѣло, что ближе всего къ Чудину долженъ стоять тотъ славный малый, добрый божокъ, которому ввѣренна судьба дома; на такую дѣятельность обреченъ «кудинъ-ижандъ» или домовый хозяинъ, которому изъ любви и мѣсто отведено въ домѣ тепленькое и удобное, за печкою, гдѣ вирочемъ и у русскаго человѣка не безъ доброго божка; но не на одномъ лишь мѣстѣ жительства сошлись оба божка, а и на дѣятельности своей и на способахъ дѣйствія: и тотъ и другой наблюдаютъ за домомъ и его жителями, но оба нѣутники и весельчаки великие, если только ихъ не разсердятъ поступки ими покровительствуемыхъ людей. Лучше бы и на свѣтѣ тому человѣку не родиться, что не уважить кудинъ-ижанду; долго терпить онъ обиды людей, но если уже разсердится, напримѣръ, когда какой нибудь невѣгласъ отнесется къ нему безъ необходимаго почтенія, то бѣду сдѣлаетъ такую, что и вѣкъ помнить будешь; а за то, если уважить его хозяинъ, радъ онъ ему всякое добро сдѣлать: и скотинку его холитъ, и семью бережетъ, и даже, если огонь въ сѣно уронить кто-нибудь изъ семейскихъ, такъ и то кудинъ-ижандъ, откуда ни возьмись, явится и потушитъ пожаръ въ самомъ началѣ. Какъ только выстроить Чудинъ новую избу, такъ приходится кудинъ-ижанду поклоняться; добрый и путный человѣкъ не безъ ума тоже въ новый домъ перейдетъ, а по стародавнему обычаю, какъ привыкъ кудинъ-ижандъ; станутъ хозяинъ и хозяйка (а иногда и всѣхъ дѣтей для пущаго почета выстроить) лицомъ къ печкѣ, поклонятся по тому направленію трижды и просить умилъно: «приди, старый, приди, молодой, приди, кормилецъ кудинъ-ижандъ, жить съ нами въ новомъ

мѣстѣ!» Коли не сердить на нихъ божокъ, то вслѣдствіе такого приглашенія конечно послѣдуетъ за ними, а чтобы ему меныше при переѣздѣ трудовъ было, захватить хозяйка изъ печки золы въ лукошко и уголекъ тлѣющій, спрячеть и золу и уголь въ хлопокъ и несетъ кудинъ-ижанда въ новую избу, несетъ и почестливо, и бережно, чтобы вѣтеръ на стараго не дунулъ, дождь его не вымочилъ и дурной человѣкъ ему не досадилъ дорогою. А какъ придутъ въ новую избу, такъ и тогда надо знать, какъ поступить, такъ какъ дѣло еще не окончено; слѣдуетъ у порога пріостановиться и бережно переставить правую ногу черезъ порогъ, держа въ рукахъ цѣльную, свѣжую и непочатую ни съ какого конца ковригу хлѣба да пѣтуха покрасиѣ; затѣмъ полагается бросить пѣтуха въ избу, а ковригу забросить за печку и примѣчать потомъ, не крикнетъ ли пѣтухъ «кукареку!» Коли крикнетъ пѣтухъ—кудинъ-ижандъ, значитъ, соблаговолилъ перейти на новое мѣсто, не побрезговалъ новымъ запечьемъ; ясное дѣло, что въ этомъ обычаѣ коврига хлѣба — жертва божку, а пѣтухъ, какъ самъ домовикъ, его символъ и потому замѣняетъ его самого. Не одинъ лишь домъ однако пользуется привилегіею имѣть своего собственнаго хранителя и божка, и баня также обладаетъ хозяиномъ, съ которымъ и подавно слѣдуетъ жить въ мирѣ и согласіи, такъ какъ иначе куда какъ плохо придется неосторожному Чудину, съ нимъ въ чемъ нибудь не поладившему и въ чемъ нибудь ему не уважившему. Чудной какой-то этотъ банный хозяинъ, а по-чудски «кюльведь-ижандъ», и даже рѣдко кому удавалось увидѣть его; иной разъ и покажется онъ, да такъ неясно, въ такомъ словно туманѣ, что и не развѣдаешь, каковъ онъ съ обличья; иные сказываютъ, будто онъ и волосатый-то, и черный-то, и непригожий, а спросить у любой дѣвушки, что гадала о суженомъ въ «молодое солнце» (праздникъ Рождества), такъ, по ея разсказамъ, кюльведь-ижандъ вовсе не такъ страненъ и сильно смахиваетъ на ея суженаго, ходитъ больше голый, бѣлъ и красивъ и обладаетъ всѣми ухватками парней — все бы баловалъ да щипался. Старухи увѣряютъ, что онъ ихъ не разъ по головамъ билъ въ бандѣ, такъ что даже обезпамятѣть старуха, а не любящимъ женамъ садится онъ ночью на грудь подъ видомъ ихъ мужа, и гнететъ ихъ, и дышать имъ не даетъ; впрочемъ иногда онъ и мальченкамъ, и дѣвчонкамъ пряниковъ и орѣховъ въ бандѣ надаетъ, только въ томъ-то и странность, что въ этихъ случаяхъ всегда тятка или мамка, глядишь, пятачка не досчитываются. Кто кюльведь-ижанду не поклонится да не уважитъ, гдѣ поклономъ, а гдѣ и подносомъ, съ тѣмъ у него расправа коротка и судъ недолгій: взгонить онъ человѣка чуть не на самую каменку и подпалить, или обварить кипяткомъ, или задушить чадомъ; человѣкъ бывалый и знающій силу божка войдетъ въ банию, остановится еще на порогѣ, да и поклонится по направлѣнію къ каменкѣ. «Позволь, старый батько, кюльведь-ижандъ, въ твоей банкѣ мнѣ попариться» — слѣдуетъ попросить старика. Для такого человѣка старый батько такого легкаго пары дастъ, что не баня будетъ, а лѣтній воздухъ.

Какъ ни мало сѣть хлѣба Чудинъ, а все же сѣть, собираетъ, сушитъ и молотитъ въ особой построечкѣ, что называется у Чуди—«ригхѣ», а по нашему —ригою; сама по себѣ рига тоже не простоятъ, и ей понадобился свой особый покровитель — «ригхѣ-ижандъ»; дѣятельность его тоже широкая и работы, и заботы ему не мало: въ пору надо жару пустить на снопы, замолотъ дать порядочный своему вѣрному поклоннику, который не позабудетъ и не пожалѣтъ первый снопъ ригачнику отдать на жертву, выбросить въ узенькое оконце, продѣланное въ стѣнѣ. Коли добрый хозяинъ почтеть ригхѣ-ижанда, такъ онъ и изъ одного снопа дастъ такой умолотъ, что въ иное время и изъ четырехъ, пяти сноповъ не выколотишь, а коли позабудетъ его, такъ уже не жди добра: и умолотъ будетъ скверный, и зерно спалитъ, да сгоритъ и рига. Въ лѣсу, на счастье, а то и на горе человѣку, смотря по его собственному поведенію, живетъ «метцъ-хиннэ», который всѣмъ смахиваетъ на нашего русскаго лѣшаго; всякий, кто входитъ за какимъ нибудь дѣломъ въ лѣсъ, долженъ почтить метцъ-хиннэ, а то и удачи ни въ чемъ не будетъ, да и самого-то шутника уведетъ въ такое мѣсто, откуда ни хода, ни гляда. А брось только въ первый же попавшійся кустъ нѣсколько зеренъ овса, серебра (или олова,



такъ какъ божокъ плохъ, видно, въ металлургіи—не отличить одно отъ другаго) и перьевъ, т. е. плодовъ отъ того, что на землѣ, подъ землею и въ воздухѣ, и метцъ-хиннѣ принесетъ тому человѣку всякую прибыль. Безъ работы метцъ-хиннѣ жить не можетъ ни минуты, и лучше задать ему какую ни на есть работу, хотя бы и пустую и никому ни на что не годную, а то отъ бездѣля онъ непремѣнно сочинитъ и устроитъ какую нибудь штуку и подведетъ ни въ чемъ неповиннаго человѣка, если только этотъ послѣдній не «тедай-месъ» — вѣдунъ и знахарь, который всегда можетъ въ рукахъ держать «метцъ-хиннѣ». Тедай-месъ можетъ всячески распоряжаться этимъ божкомъ; для него онъ и лисицу въ капканѣ вгонитъ, и рябчика въ си-локъ заведетъ. Слушается метцъ-хиннѣ и пастуха деревенскаго, если только этотъ послѣдній позапасся, да взялъ у колдуна заговоръ на него; но и тутъ опять-таки нельзя оставлять его безъ дѣла, и знающій пастухъ всегда заставляетъ метцъ-хиннѣ что нибудь дѣлать: то заставить сосну на волокна расщепить, то предложить ему озеро выпить, а одинъ пастушенокъ, говорятъ, когда не хватало божку работы, заставилъ его считать песокъ на днѣ «Онег-ламбы» и сразу на пять лѣтъ отъ него избавился. Такому пастуху, обладающему заговоромъ на метцъ-хиннѣ, нечего о скотинѣ заботиться: онъ и накормить ее и пропашную, если такой грѣхъ случится, отыщетъ; бывало, что метцъ-хиннѣ приводить подобную пропашную корову изъ-подъ Иерусалима, но бѣда, если пастухъ потомъ найдетъ пронадавшую скотину и труды божка сдѣлаются напрасными: избѣть онъ того пастуха и сживетъ со свѣта. — На что уже силы всѣ эти божки, а все-таки посильнѣе ихъ будетъ старый «ведэ-хиннѣ», который живеть обыкновенно въ кружалахъ и водоворотахъ. Лучше и не проѣзжать мимо того мѣста, гдѣ живеть этотъ чудской водянной, если не надумалъ заранѣе поклониться ему честь-честью. Онъ, старый, радъ бываетъ хлѣбу и охотникъ до табаку, а потому и слѣдуетъ ему бросить въ воду того и другаго; купаться ли пошелъ, плывешь ли на лодкѣ—спроси позволенія у ведэ-хиннѣ, а иначе и не суйся; закупаетъ, потопитъ. Не прочь и даже особенно лакомъ ведэ-хиннѣ на человѣчину, и коли буря застала, или запросто тонешь на рѣкѣ или озерѣ, или запруда не ладится, стоитъ лишь послуить старому какое нибудь человѣческое имя, чтобы изѣть бѣды; онъ и самъ суленое возьметъ—ни у кого помочи не попросить и приходится лишь остерегаться, чтобы не назвать такое имя, которымъ зовется кто нибудь изъ родни, или изъ близкихъ. — На всякую бѣду, на всякий случай есть у Чудина особая, завѣщаемая ему старыми, бывальми людьми, примѣта и ухватка; иной, кто не знаетъ всей этой премудрости, пожалуй, легко впросакъ попадетъ, а человѣкъ умный, да къ словамъ и наукѣ старыхъ людей примѣтливый ни за что подѣлъ лошади во время грозы не станетъ, такъ какъ лошадь сдѣлать нечистыѣ. Какъ ни много та-кихъ примѣтъ въ чудской мудрости понабралось, все же однако надоѣдаются имъ «лембой»—мелкіе чертенятки, которыхъ, кажется, вся задача въ томъ, чтобы чинить людямъ всякія пакости; терпяты они тоже не мало отъ того тедай-меса, который особенно золь и получаетъ въ силу своей злобы прозвище «нойда»; только послѣ его смерти приводится дышать легко, да и то если окуютъ его гробъ мѣдными обручами, заколотятъ его мѣдными гвоздями, да и въ пятки-то мертвцу гвоздей мѣдныхъ набьютъ, такъ какъ мѣдь — чистая и съ нею никогда никакая нечисть не спра-вится, потому—она отъ Бога.

Родится Чудинъ такъ же точно, какъ и всякий другой человѣкъ, и та же знахарка принимаетъ новорожденнаго и непремѣнно громовою стрѣлкою (каменимъ ножемъ) отрѣзаетъ ему ту связь, что соединяла его съ матерью. Изъ старины повелось среди Чудяновъ кормить грудью подолгу, пока у матери не хватаетъ уже силъ терпѣть и юный Чудинъ не искусаетъ ее въ кровѣ; зубы у дѣтей показываются только на второмъ году, а кормятъ ихъ грудью часто по два года. Ни-какихъ особыхъ обрядовъ и торжествъ при рожденіи не полагается, такъ какъ, повиди-мому, и радоваться-то особенно нечего, что народился новый бѣднякъ на свѣтъ Божій. Въ 16 лѣтъ парня стараются уже всячески женить, а дѣвку и раньше того окручиваютъ, что однако вовсе не вліяетъ дурно на рожденіе дѣтей, такъ какъ среди Чуди нерѣдкость увидать шестнад-

цатицѣтніхъ матерей. Безъ калыма сватовство и женитьба конечно не обходятся, при чёмъ онъ доходитъ до 10 и болѣе даже рублей и передается прямо въ руки будущему тестю, который самъ однако никогда калымомъ не пользуется, а по возвращеніи молодыхъ отъ вѣнца отдаетъ цѣликомъ своей дочери на первое обзаведеніе. Интересно, что калымъ этотъ называется по-чудески «верхнѣ-велгъ» или кровавый долгъ, что ясно показываетъ на стародавніе значеніе калыма, какъ платы за выдачу изъ семьи одной изъ кровныхъ ей женщинъ, а быть можетъ и дѣйствительно за пролитую кровь. Прежде, какъ рассказываютъ, были въ болыномъ ходу браки уводомъ, но теперь старина мало-по-малу забываетъ, мало кто продолжаетъ ея придерживаться и если совершаются еще кое-когда уводы, то съ согласія родителей невѣсты. Начинается сватовство конечно съ обычнаго рукопѣтія, на которомъ невѣста со стаканомъ водки въ рукахъ обходитъ всю родню, потчуетъ каждого гостя и жениха, который непремѣнно долженъ въ стаканѣ опустить колечко или монету серебряную ради того, чтобы бракъ ихъ былъ такъ же крѣпокъ, какъ крѣпка водка, и такъ же свѣтель, какъ свѣтло серебро. Угостивши всѣхъ присутствующихъ, невѣста отходитъ въ уголъ, къ печи, гдѣ и сидитъ цѣлый вечеръ, плача и причитая. Слѣдующій пиръ назначается всегда въ самый уже день свадьбы и притомъ непремѣнно въ томъ домѣ, гдѣ потомъ будутъ жить новобрачные; при этомъ братъ новобрачной, одѣтый въ вывороченную шубу, не подпускаетъ молодаго къ своей сестрѣ, отгоняетъ его, но дѣло кончается ко всесобщему удовольствію, такъ какъ въ концѣ концовъ братъ получаетъ монетку въ качествѣ отступнаго, а молодой дѣлается обладателемъ своей супруги и въ знакъ общности интересовъ ютъ съ нею изъ одной посудины и одною ложкою. Затѣмъ на молодую надѣваютъ праздничную одежду, берутъ подъ руки и выводятъ къ гостямъ, къ которымъ обращаются при этомъ съ вопросомъ: мила ли имъ молодая княгиня? На такой вопросъ, конечно, и круглый невѣжа отвѣтитъ утвердительно, а молодая при такомъ отвѣтѣ отвѣтшиваетъ на каждую похвалу по земному поклону; молодой бѣжитъ за горшкомъ крутой каши, высоко поднимаетъ надъ головою горшокъ этотъ, ломаетъ его и откусываетъ кусокъ каши прямо отъ колоба. Не безъ символическаго значенія этотъ простой на первый взглядъ обрядъ, такъ какъ ломка горшка и укусъ служатъ дружкѣ и свахѣ сигналомъ къ тому, чтобы взять опять подъ руки молодую и увести въ ту горницу, гдѣ заблаговременно изготовлено для молодыхъ брачное ложе. Придя въ брачную горницу, дружко выхватываетъ изъ-за пояса плеть, изо всей силы ударяетъ ею по постели, укладываетъ какъ разъ на битое мѣсто молодую, а затѣмъ обокъ съ нею и молодаго, снова, но легонько ударяетъ молодую плетью и затѣмъ спрашиваетъ: «съ кѣмъ ты спишь?» По изстари заведенному обычая, молодая не должна отвѣтить на этотъ разъ и оставить безъ отвѣта тотъ же вопросъ, повторенный дружкою послѣ новаго удара плетью; только по третьему спросу молодая отвѣтаетъ дружкѣ, называя по имени своего мужа, послѣ чего и дружко, и сваха оставляютъ молодыхъ и присоединяются къ гостямъ. Пиръ тянется всю ночь напролетъ, и количество вышиваемаго тутъ вина превосходитъ всякие размѣры.

Чудинъ недолговѣченъ уже въ силу чисто-климатическихъ причинъ, а причины экономической только еще болѣе сокращаютъ его среднюю жизнь, которая поэтому и опредѣляется обыкновенно въ пятьдесятъ лѣтъ. Когда Чудинъ не на шутку вздумаетъ умирать, старуха изъ его дома или же какое другое лицо изъ семьи, знающее обычай народные и старинныя повадки, розыскиваетъ среди посуды чистый ковшъ, зачерпываетъ въ него воды и ставитъ



Карелы.

ковшъ на оконцѣ для того, чтобы душа покойника, по выходѣ ея изъ тѣла, могла обмыться отъ приставшей къ ней на землѣ нечисти. Когда ковшъ поставленъ, необходимо подергать покойника за ноги, чтобы онъ не потащилъ за собою еще кого нибудь изъ своей семьи. Справивши все это по порядку, мертвѣца обмываютъ, одѣваютъ въ саванъ изъ холста и кладутъ на лавку, а не на столъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ онъ могъ бы сдѣлать собою всякую крошки хлѣба «мертвымъ кускомъ», гибельнымъ для того, кто сѣѣтъ его. Воду, которой обмыли покойника, зря выливать не приходится, а надо прежде выкопать ямку и влить туда эту воду (туда же кладутся и стружки, оставшіяся отъ постройки гроба); тутъ же надъ засыпанной ямкой сложать потомъ небольшой костеръ и сожгутъ его, чтобы огнемъ очистить это мѣсто. Поминки справляютъ различно, смотря по состоятельности семьи и по тому, какимъ расположениемъ со стороны родственниковъ пользовался покойникъ при жизни; поминаютъ на 3, 6, 9, 12, 20, 30 и 40 дн., въ полугодье и въ годовщины, но въ большинствѣ случаевъ и притомъ охотнѣе всего устраиваютъ поминки въ 3 и 40 дн., и дальше одногъ года не идутъ воспоминанія объ умершемъ сородичѣ. На поминанье пекутъ обыкновенно рыбникъ, т. е. пирогъ съ цѣльною, запеченою въ него рыбиною совсѣмъ въ чешуѣ; берута этотъ рыбникъ съ собою, идутъ на могилу и зарываютъ на Ѣду покойника. За обѣдомъ на долю покойника ставятъ особый приборъ, а если священникъ слишкомъ уже ретиво слѣдитъ за искорененіемъ языческихъ обрядовъ, то и прячутъ подъ скатерть его излюбленную ложку. Коли покойникъ при жизни былъ человѣкъ добрый да хороший, такъ онъ тихо и мирно спитъ въ своей могилѣ и никакого беспокойства своимъ сородичамъ послѣ смерти не причиняетъ; но чуть только отличался онъ при жизни нравомъ неспокойнымъ, такъ и послѣ смерти нескоро онъ угомонится и всенепремѣнно сдѣлается лембоемъ на несчастье своихъ родственниковъ.

Видно, Чудь издавна жила многотягольно, такъ какъ и до сихъ поръ замѣчается еще между Чудью стремленіе къ многотягольности; случается встрѣтить въ Чудской сторонѣ и притомъ въ особенности тамъ, гдѣ чудская старина осталась въ наибольшей чистотѣ, т. е. въ густо населенныхъ одною Чудью мѣстностяхъ, семьи въ 30 и даже болѣе душъ; такія семьи въ оправданіе своего нежеланія приступить къ дѣлѣжкѣ прямо и безвозвратно говорятъ, что «слога—сильнѣе Бога». Вся семья держится конечно главою, который можетъ быть дѣдомъ при дѣтяхъ и внукахъ, старшимъ дядей при братьяхъ и племянникахъ и даже иногда (конечно довольно рѣдко) младшимъ дядей при старшихъ братьяхъ и племянникахъ; нигдѣ и не слы-хано на Чуди, чтобы хозяйство въ семье получила женщина, такъ какъ возврѣнія Чуди на женщины не отличаются особеною охотою признать за бабами равныя съ мужчинами права. Не имѣя достатковъ, часто голодая, за отсутствіемъ лѣсосѣчной и другой работы, нельзя Чудину быть особенно гостепріимнымъ, хотя всегда Чудинъ радъ накормить захожаго человѣка; въ большей части случаевъ гостю предложить ночлегъ, но не станутъ навязывать Ѣду, которой часто не хватаетъ и самимъ-то. По обычая старинному, передаваемому изъ поколѣнія въ поколѣніе, всякий Чудинъ почтительно относится къ отцу и матери, но въ послѣднее время мало-по-малу замѣчается въ этомъ отношеніи порча правовъ, благодаря вліянію русскихъ на-сельниковъ; слышатся уже чаще и чаще жалобы на отсутствіе почтенія къ старшимъ, а съ чужими стариками такъ и вовсе молодежь не церемонится. Женщина въ семье не имѣеть рѣ-шительно никакихъ правъ и несетъ на своихъ плечахъ лишь однѣ обязанности, которыхъ не мало; бабѣ не полагается ни продать, ни купить, и на всякое дѣло она должна испросить разрѣшенія или отъ хозяина, или отъ мужа своего, если дѣло касается не всей семьи, а лишь одной ихъ пары. Отецъ въ семье является полноправнымъ владыкою и единственнымъ и притомъ вполнѣ безконтрольнымъ хозяиномъ всего имущества; если ему вздумается, онъ можетъ лишить любого изъ членовъ семьи наслѣдства, и никто не станетъ, да и не смѣеть корить его за несправедливость. Тѣмъ не менѣе обычай все же таки, хотя и весьма незначительно, огра-ничиваетъ права отца и заставляетъ его отказывать по смерти домъ младшему сыну. Коли

стрясется бѣда и умреть у бабы мужъ, а дѣтей у нея не имѣется, то жена по мужѣ не наследница и не даютъ ей даже и изъ вещей ничего; развѣ скажется кто изъ родни, да на память выдастъ ей саюженки или кожухъ какой нибудь рваный; даже постель и подушки, которыя она принесла съ собою въ приданое, должны остаться въ семьѣ мужа и никогда не могутъ быть ей выданы. Ясное дѣло, что если Богъ послалъ ей дѣтей, то она представляется собою уже зачатокъ новой семьи и потому имѣеть право на получение равной съ своими дѣтьми части изъ оставшагося послѣ мужа имущества. При куплѣ и продажѣ повелось у Чуди такъ, что купленную вещь надо принимать изъ полы въ полу и кромѣ того, въ знакъ пріобрѣтенія права собственности надъ извѣстною вещью, союю помахать, косою сдѣлать размахъ, потомъ подрѣзать на себѣ что нибудь и т. п., а при покупкѣ скотины непремѣнно нужно обвести покупку вокругъ себя до трехъ разъ. Крайне интересенъ и другой еще обычай, сохранившійся у Чуди и ведущій свое начало вѣроятно изъ сѣдой старины: никогда Чудинъ не станетъ клясться, подобно русскому человѣку, землею, а клянется всегда водою, которая, конечно, больше земли, кормитъ его и ионть.

Живетъ Чудинъ лишь отчасти рыболовствомъ, продаѣтъ наловленную имъ рыбу скупщикамъ, но употребляетъ ее по большей части для домашняго обихода; и лѣто, и зиму проводить онъ въ лѣсу, куда ходить за полѣсованьемъ на дичь и звѣря. Но главнымъ заработкомъ для Чудина является лѣсная работа; на его счастье и на погибель его обособленности зашелъ въ его страну русскій лѣсопромышленникъ, которому понадобились дрова и бревна; Чудинъ рубить лѣсъ, подвозить его къ рѣкамъ, сплавлять его до сборныхъ мѣстъ и кормится кое-какъ отъ тѣхъ крохъ, которыя падаютъ со стола лѣсопромышленниковъ. Трудная работа, дурная пища и плохія гигіеническія условія жизни наложили на Чудина иѣкоторую печать свою: обликъ его всегда грустный, ходить онъ какъ-то неповоротливо, удали въ немъ нельзя найти и намека; давно позабылъ онъ свой народный инструментъ и довольствуется одною дудкою въ рѣдкихъ случаяхъ своего веселья; поетъ онъ рѣдко, а если и запоетъ когда нибудь пѣсню, то непремѣнно русскую, грустную, которую передалъ ему прихожій лѣсопромышленникъ. Праздники проходятъ у Чуди какъ-то вяло и грустно; нѣтъ на улицѣ радости и веселья и, проходя въ праздники по чудской деревнѣ, и не узнаешь, праздникъ ли на дворѣ или будни; даже и посидѣлокъ не бываетъ на чудской сторонѣ. Пока кое-какъ перебивается Чудинъ въ Озерной области, со всѣхъ сторонъ подвигается на него, какъ туча, русская колонизація, которая скоро совершенно изгладитъ даже и послѣдніе слѣды стародавней Несторовой Веси.

Совсѣмъ близко, по сосѣдству съ Чудью поселился Карелякъ, мало чѣмъ отличающійся отъ только-что описанного нами народа. Сами себя, несмотря на свое сходство съ Чудью, Кареляки однако умѣютъ отличать отъ послѣдней и называютъ Каріалайсеть, изъ чего нашъ русскій человѣкъ совершенно неправильно сдѣлалъ «Карелу», не сохранивши въ словѣ этомъ типического и коренного акающаго звука, благодаря которому прозвище народное можетъ сдѣлаться совершенно понятнымъ. Издавна стали ученые люди стараться объяснить это народное прозвище, но, какъ и большинство подобныхъ попытокъ, старанія эти остались безъ результатовъ, такъ какъ, повидимому, искали вовсе не тамъ, где было нужно. Такъ напримѣръ Лербергу показалось, что Карелу такъ назвали потому, что карри или кареа по-ихнему обозначаетъ владѣльца стада. Уже въ XIII вѣкѣ знали ихъ датскія лѣтописи и саги, а Шведы называли Карелію — «Ярлъ-рики» потому, что король Олафъ отдалъ ее въ 1019 году въ приданое за своею дочерью Индигердою, вышедшею замужъ за князя Ярослава Владимировича, а она, не имѣя возможности лично управлять отдаленою страною, назначила себѣ намѣстникомъ иѣкоего Рангвальда съ титуломъ ярла; въ силу этого послѣдняго обстоятельства большинство шведскихъ ученыхъ и до сихъ поръ увѣряютъ, что слово Карелія есть не что иное, какъ испорченное Ярелія. Есть еще и такие, которые производятъ Карелію отъ слова «киръ», которое въ языкѣ сагъ означаетъ корову, но забываютъ при этомъ то обстоятельство, что

никогда народъ не принимаетъ для своего наименованія чужаго слова, для него непонятнаго. Байеръ почему-то увѣрялъ, что такъ назвался этотъ народъ просто лишь потому, что жилъ по берегамъ рѣки Корль, но и это мнѣніе не имѣетъ никакого основанія, и потому вопросъ о происхожденіи прозвища народнаго остается и до сей поры открытымъ и неразрѣшеннымъ.

Широко раскидывались карельскія сельбища въ стародавнія времена и обнимали собою всю страну Приладожскую и Онежскую вилоть до самой рѣки Онеги, гдѣ и до сихъ поръ



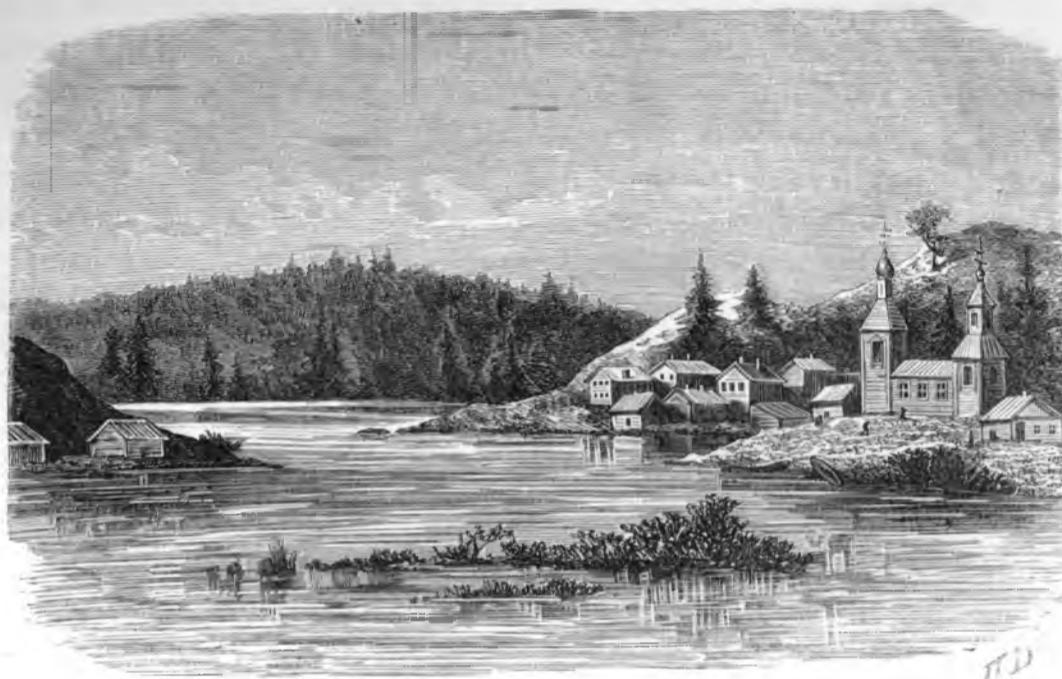
Карельская изба.

можно найти слѣды карельской старины въ названіяхъ селъ, рѣкъ и уроцищъ. Быть можетъ, Карела тогда и не составляла еще одного цѣлаго и раздѣлялась на небольшіе народцы, созиавшіе однако общность своего происхожденія; но тѣмъ не менѣе возможность этихъ отдельныхъ народцевъ была извѣстна даже и соѣдямъ своимъ Русскимъ подъ именемъ «дѣтей карельскихъ», которыхъ лѣтописцы русскіе считали дикарями. Съ давнихъ поръ бойкая на передвиженіе и охотливая на поживу новгородчина высыпала тѣхъ, кому илохо жилось дома, на исканіе лучшихъ мѣсть; эти первые колонизаторы конечно не могли особенно стойко утвердиться въ новомъ краѣ, и только въ значительно позднѣйшее время началась вполнѣ правильная земледѣльческая колонизація, а не временная, охотничья и ушкайническая. Въ XVII вѣкѣ въ Карельской землѣ уже появляются значительныя русскія поселенія, и въ самомъ центрѣ былой Карели образуется значительное русское раскольническое ядро, влѣвшиее такъ сильно на все остальное раскольническое населеніе Россіи; шагъ за шагомъ двигалось это трудолюбивѣйшее изъ русскаго крестьянства населеніе, и по мѣрѣ его поступательного движенія русѣла та Карела, на которую судьба его наталкивала, такъ что въ настоящее время въ прежнѣй чисто Карельской области, а именно въ Олонецкомъ и Петрозаводскомъ уѣздахъ, чисто карельское населеніе является лишь въ видѣ отдельныхъ острововъ среди совершенно обрусѣвшей и даже зачастую позабывшей свое происхожденіе Карелы, а въ Повѣнѣцкомъ уѣздѣ Олонецкой же губерніи сельбища карельскія сдѣлались совершенно русскими по всему теченію р. Выга и въ

окрестностяхъ самого города Повѣнца. Самая р. Выгъ, благодаря вліянію выговскихъ раскольническихъ обителей, утеряла вполнѣ значеніе карельской рѣки, и бывшя карельскія волости Вожмосальма и Выгозерская иначе не называютъ себя, какъ русскими; этотъ Выгъ не только по населенію своему стала русскимъ, но и сдѣлался дорогъ всякому русскому по воспоминанію о походѣ Петра Великаго, когда онъ во главѣ своего войска перетащилъ нѣсколько морскихъ судовъ изъ Нюхчи на Бѣломъ морѣ въ Онежское озеро; тутъ на Выгу былъ имъ устроенъ «дикъ» или станція, и тутъ сказалъ онъ свое великое человѣческое слово о томъ, чтобы не смѣли преслѣдовать раскольниковъ, а этихъ послѣднихъ просилъ не молиться за него какъ «за царя», а молиться просто за раба Божія Петра. Теперь на этомъ дорогомъ для всякаго русскаго мѣстѣ стоитъ деревянный крестъ, простой, безхитростный, но срубленный мѣстными крестьянами, узнявшими о значеніи Выгорѣцкаго Петрова яма.

Кеппенъ дѣлить всю Карелу на четыре отрасли, которыя различаются между собою по языку, но ни въ одѣждѣ, ни во внѣшнемъ своемъ видѣ не представляютъ ровно никакой разницы; сами Кареляки не всегда умѣютъ различать въ своей средѣ представителей этихъ четырехъ отраслей, и только въ наукѣ извѣстны Эвримойсеты, Савакоты, Ингримойсеты и Кареляки въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Всего Карелы насчитываютъ въ настоящее время около 290,000 душъ, причемъ на долю Эвримойсетовъ приходится 36,000, Савакотовъ — 49,000, Ингровъ или Ижоры — 18,000 душъ обоего пола, а остальное на долю собственно Карелы. По губерніямъ Карелы живутъ въ разныхъ количествахъ, а именно въ одной Финляндіи ихъ насчитываютъ 95,000 душъ, въ Олонецкой губерніи 55,000, въ Архангельской — 15,000, въ Новгородской — 34,000, въ Тверской до 90,000 и наконецъ въ Ярославской губерніи — 1,200 душъ обоего пола.

Трудно провести рѣзкую черту во внѣшности между общимъ, такъ называемымъ, великорусскимъ типомъ и типомъ Кареляка, который даже и отъ своихъ-то отсталъ по обличью на столько, что его ни въ какомъ случаѣ не отличишь по тѣмъ признакамъ, что признаны характеристическими для Урало-алтайцевъ. Карелякъ обыкновенно выходитъ изъ границъ, обозначенныхъ для людей средняго роста, и зачастую среди Кареляковъ можно встрѣтить рослыхъ мужчинъ (рослые женщины встрѣчаются тоже), которымъ могли бы позавидовать даже и наши Ярославцы, отличающіеся вообще своимъ ростомъ. Кромѣ высокаго роста, Карелякъ выдается своимъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, причемъ встрѣчаются жирные экземпляры и сухопарые весьма рѣдки; онъ прекрасно сложенъ, кости его правильно и хорошо развиты, онъ корепасть и на работу спорѣ не хуже самыхъ большихъ крѣпышей изъ Русскихъ; тѣмъ не менѣе и среди Карелы одутловатость встрѣчается лишь въ качествѣ исключенія изъ общаго правила, тѣтъ болѣе, что число одутловатыхъ отъ пьянства весьма незначительно, какъ вслѣдствіе дороговизны водки, такъ и по-



Наданы, столица Карелы.

тому, что значительная часть Кареляковъ принадлежитъ къ Ижорскому согласію безионовщинской секты и слѣдовательно воздерживается отъ крѣпкихъ напитковъ. Цвѣтъ кожи чрезвычайно свѣтлъ по тону окраски и представляетъ собою всѣ свѣтлѣйшіе тоны свѣтлорозового цвѣта, со встрѣчаемою лишь изрѣдка желтизною, которая однако скорѣе всего происходитъ отъ загара на открытыхъ мѣстахъ и отъ желчности Карелы; свѣтлокоричневатость наблюдается очень рѣдко и отнюдь не можетъ быть признана отличительной для этого народа. Можно прямо сказать, что Карелякъ или темнорусъ, или прямо и безповоротно брюнетъ; бѣлокурые среди нихъ такъ же рѣдки, какъ и среди Негровъ, хотя въ малолѣтствѣ всякий Карелякъ проходитъ черезъ бѣлокурость, какъ и русскіе ребята; чаще всего встрѣчаются темные тоны орѣхово-коричневатаго цвѣта, а также и оливковатаго, рѣже попадаются темногрязные волосы и почти никогда — красноватыя. Борода по обыкновенію довольно густа и курчава, также какъ и волоса на головѣ довольно часто попадаются курчавые, хотя волокнистые волосы и составляютъ преимущественную отличительную черту Карелы. Брови прямо заявляются или самыми темными оттѣнками темногрязнаго цвѣта, или же темнокоричневыми; онѣ чаще всего густы и расположены больше въ струнку, а не дугою. Иногда, хотя и не особенно часто, встрѣчается у Кареляковъ и растительность на тѣлѣ, но вовсе не особенно развитая и притомъ чаще на рукахъ и ногахъ, нежели на груди. Касательно глазъ Карела тоже начинаетъ какъ бы отступать отъ общаго типа финскихъ народовъ, такъ какъ среди нихъ достаточно часто попадаются уже субъекты съ темнокарими и темноголубыми глазами; что несомнѣнно должно быть приписано скрещиваніямъ съ Русскими, которыя совершаются весьма охотно въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ Русскіе живутъ вблизи отъ карельскихъ поселеній; гораздо болѣе чистота типа въ этомъ отношеніи сохранилась у тѣхъ отраслей Карелы, которыя живутъ ближе къ Петербургу, хотя тамъ и не слыхать вовсе о скрещиваніяхъ съ Русскими. Интересно, что и у Карелы ни сѣрыхъ, ни темногрязныхъ глазъ наблюдать не приходится и встрѣчаются лишь разныя оттѣнки карихъ и голубыхъ глазъ. Въ особенности рѣзко отличается Карела отъ своихъ собратій по виѣнскому виду волосъ: не только нельзя сказать, что карельскіе волосы гладки, но скорѣе, и притомъ въ особенности въ обруѣльныхъ волостяхъ карельскихъ, они являются по преимуществу кудреватыми, такъ что въ Паданской напримѣръ волости Повѣнѣцкаго уѣзда, при всемъ томъ, что Паданы были когда-то столицею Карелии, гораздо чаще встрѣчаются кудрявые, нежели гладковолосые; иначе стоитъ дѣло у Савакотовъ и Ингровъ или Ижорцевъ, гдѣ, напротивъ того, кудреватость является въ качествѣ весьма рѣдкаго исключенія. Волосы на головѣ обыкновенно бываютъ довольно густы и при томъ сохраняютъ очень долго свой цвѣтъ, такъ что сѣдина является весьма поздно — чаще всего въ шестомъ десяткѣ. Растительность на подбородкѣ сравнительно достаточно богата, чѣмъ опять-таки Карела выдѣляется изъ числа своихъ собратьевъ, а нерѣдко можно у нихъ встрѣтить обросшую грудь и руки. Какъ явилось это отклоненіе отъ общаго типа у Карелы — до сихъ поръ еще не известно, хотя и есть нѣкоторые намеки на давнишнее русское вліяніе. Носомъ однако Карела не отстала отъ своихъ сородичей: и широкъ онъ у нея выдался, хотя и не до безобразія, и курносъ; встрѣчаются однако и прямые, и орлиные носы, да рѣдко, тогда какъ въ Ингрии у Савакотовъ носъ видимо измѣнилъ отчасти свою форму благодаря громаднымъ ввозамъ инороднаго элемента въ видѣ незаконнорожденныхъ изъ воспитательного дома. Интересно, что и у Карелы при сильныхъ душевныхъ аффектахъ ноздри не раздуваются. Толстая губы вовсе не составляютъ характеристической черты для Карелы, а ротъ представляетъ прямой и красивый прорѣзъ. Зубы чуть ли не всегда превосходны, хотя по большей части и не велики: рѣзцы расположены вертикально; вообще слѣдуетъ замѣтить, что Карела казалась весьма красивымъ ртомъ, да и такимъ, что за рѣдкость и у красиваго Ярославца. Голова тоже ладно выкроена; лобъ по большей части плоскій, хотя бровные вышукости и надпереносная впадина не составляютъ уже рѣзкаго исключенія и попадаются даже развитыми до значительной степени. Брови славно снабжены волосами и рас-

положены надъ глазомъ по большей части дугою, такъ что опять диву даешься, какъ это Карелякъ съ виду вышелъ въ Русскаго; брови всегда окрашены потемнѣе волосъ на головѣ, а борода тона на 2 — 3 выдалась побѣднѣе, хотя и здѣсь рыжебородый въ диковину. Хоть по-видимому и не очень отличается отъ Русскаго Карелякъ, а все же таки выдала его раскосость, такъ какъ вѣшины углы глазныхъ прорѣзей и у него нѣсколько приподняты, градусовъ на 15 — 20 отъ горизонтали. Лицомъ Карелякъ все еще угловатъ и изрѣдка овально круглолицъ, а уши у него по большей части отогнуты и не велики. Карела узколоба, но обладаетъ весьма открытымъ лицевымъ угломъ, чѣмъ заявляется со стороны своей культурности; уголъ этотъ достигаетъ 70%, такъ что почти сходенъ съ угломъ Великорусса изъ примосковскихъ мѣсть; по складности Карела заявила стоящю между нынѣшними обитателями Финляндіи и ископаемыми черепами древней Воды и отъ скелета до скелета у нея пришлось 117 мм.; эта складность, видно, на вѣчные времена останется у нея и по ней можно будетъ всегда признать Урало-алтайца. Карелякъ круглоголовъ, хотя и уступаетъ въ этомъ отношеніи Чуди, и Лопарямъ, и ископаемымъ Финляндцамъ; его головной показатель оказался равнымъ 80,29, что дѣлаетъ его круглоголовѣ Остяка, нынѣшнихъ Финляндцевъ, Эстонцевъ сѣверной Россіи.

Русскій человѣкъ какъ-то не особенно дружелюбно глянуль на Кареляка, который всюду устроилъ лучше и хозяйственнѣе его и не въ примѣръ живетъ побогаче и почище; нѣкоторая зависть при взглядѣ на житѣ-бытье кареляцкое сказалась даже въ нѣкоторыхъ мѣстныхъ поговоркахъ, которые сложились среди русскаго населенія Озерной области; «гдѣ русскій сапоги стѣль», увѣряетъ Олончанинъ, — «тамъ Карелякъ руки нагрѣль» и затѣмъ восклицаетъ: «Кареляку-то не жизнь? Карелякъ, что свѣтлякъ — въ лѣсу живетъ». Да оно и дѣйствительно бросается вся кому въ глаза: русскій человѣкъ все норовить сѣть поближе къ озеру и кормится съ грѣхомъ пополамъ отъ рыбнаго промысла, а Карелякъ или устроился на хорошихъ смежныхъ мѣстахъ, или середь лѣса, гдѣ кормится въ избыткѣ охотою и разными лѣсными промыслами.

Жилье свое Карелякъ устроилъ такъ, что изба образуетъ полный квадратъ, такъ какъ любому, чтобы стѣны были ровныя и чтобы и съ виду изба была складная и ладная; вышины въ избѣ довольно и на большую семью; стѣны выведены на 2½ и на 3 сажени, такъ какъ по разнымъ хозяйственнымъ соображеніямъ, а также и въ виду того, что Карелякъ не больно православенъ, а скорѣе норовитъ къ двуперстію и безпоповству и слѣдовательно нужны ему прятки отъ начальственнаго и поповскаго глаза, сдѣлалъ онъ подъ всю избу подполье; тутъ хранить опять свою усаду — рѣпинѣй квасокъ, чтобы быть онъ всегда въ холодаѣ, тутъ же прятать онъ и продукты, которые заготовитъ на зиму лютую, на нуждинку свою. Избу свою раздѣлилъ онъ на два отдѣленія, на двѣ горницы; въ одной половинѣ Карелякъ и вся его семья работаютъ, тутъ жена его кушанье готовить, рыбку чистить, замѣсу мѣситъ, дѣтей обмываетъ, а въ зимніе холода и молодикъ отъ скотинки держится въ теплѣ; навидалась эта горница всякаго горя и работы насмотрѣлась вдосталь, тогда какъ чистая горница никогда не увидитъ внутренней семейной жизни Кареляка, также какъ и тотъ, кого Карелякъ не допуститъ въ жилую и покажетъ лишь свою пріемную. Понятное дѣло, что не всякий Карелякъ сможетъ очистить большую избу; иной, побѣднѣе, не справился и съ такою уже, кажется, не великою роскошью, какова изба о двухъ горницахъ, и живетъ себѣ вѣкъ свой въ одной, которая служить и для семьи его, и для пріемовъ; все же такихъ бѣдняковъ мало, благодаря тому, что лѣса здѣсь въ волю и есть среди Карелы какое-то врожденное желаніе обстроиться получше и жить не въ свиномъ котухѣ, а будто и въ хоромахъ. Прямо, какъ войдешь въ избу, такъ направо придется большая печь, а вокругъ всей горницы тянутся лавка и полки; лавка очень широка, такъ что спать на ней можно весьма удобно, и содергится чисто, такъ какъ хозяйка непремѣнно уже хотя разъ въ недѣлю да соскребетъ и ее ножомъ и помоетъ; гдѣ нибудь въ

уголку, такъ чтобы мѣсто было поукромнѣе, приладила хозяйка свой шкафикъ — посудникъ, а то и запросто двѣ три открытыя полочки подъ посуду; посуда тутъ не хитрая, а только всегда чистая и моется, видимо, не въ великие лишь праздники, а тотчасъ по употребленію. Въ переднемъ углу повѣшенъ кютъ или тябло, съ старописными по большей части въ настоящей Карелѣ иконами, а вокругъ тябла поразвѣшены разныя картинки апокрифического содержанія, очень цѣнныя и Русскимъ, и Карелякомъ; можно здѣсь встрѣтить и «древо благочестно», гдѣ весь родъ князей Мышецкихъ изображенъ въ видѣ родословнаго дерева, а Мышецкіе князья дали нашей безпоповщинѣ, къ которой то тайно, то явно тянетъ Карела, главныхъ руководителей и наставниковъ; попадается тутъ и птица Сирии, и борьба души со смертью, и страшный судъ, и все это писано въ Лексинскомъ женскомъ безпоповщинскомъ монастырѣ въ Повѣнѣцкомъ уѣздѣ; подъ тябломъ, коли не боится хозяинъ гостя и не успѣлъ онъ заблаговременно припрятать опасную вещь, можно увидать «дымило» съ ручкою, безъ которой безпоповщикъ и молиться не станетъ. По срединѣ горницы стоитъ обыкновенно столъ, а въ немъ сдѣланъ ящичекъ — было бы куда убрать и ложки, и ножи, и дорогую соль. Сѣни въ жильѣ кареляцкомъ всегда холодныя, а крылечко придѣлано къ нимъ съ боку; на устройство перилъ особаго побыта нѣтъ и все зависитъ отъ зажиточности хозяина и расположенія его ко вѣнѣніи красотѣ дома. Хоть и не отличается Карелякъ особеннымъ богатствомъ, но тѣмъ не менѣе заявился онъ чрезвычайно домовитымъ; всю хозяйственную постройку свою помѣстилъ онъ такъ, чтобы была она у него подъ рукою и не приходилось ему или женѣ его много времени тратить на побѣгушки, въ которыхъ у насть на Руси столько проходитъ дорогаго времечка; тутъ же за сѣнями приспособленъ у него сѣновалъ, а подъ бревенчатымъ поломъ этого сѣновала, въ которомъ для удобства свалки корма сдѣланы прорѣзи, помѣщается скотный дворъ или поскотница; прорѣзи устроены такъ, что приходятся какъ разъ надъ яслими, а то не равно кормъ попадетъ на землю и скотина безъ пути потопчетъ его. Въ сѣницахъ устроена особая клѣтушка или горенка для храненія разнаго скарба и хлама, гдѣ хозяйкой является уже мать семейства и хозяинъ вовсе не вступается въ эти дѣла, такъ какъ ему и безъ того дѣла довольно. Видно, вдостоль наболѣлись глаза карельскіе, что отстала Карела отъ курныхъ избѣ, которыхъ почти и не встрѣтишь въ карельскихъ мѣстахъ, развѣ уже какой нибудь бѣдняга не сталъ убытчиться на кирпичъ и на извѣсть. Двора у Кареляка нѣтъ и въ поминѣ, да, признаться, онъ ему и не къ пути при маломъ количествѣ скотины и при тѣхъ холодахъ, что стоять иногда въ Озерной области; научила его зимушка лютая грѣть скотину въ со всѣхъ сторонъ защищенныхъ застройяхъ, а не въ варкахъ, какъ повелось это у русскаго человѣка, который все удивляется, что корова у него поздно телится, а овца ягнится, а того не пойметъ, что надо скотинку въ теплѣ держать. Дорого достается Кареляку стекло, а потому и не под силу ему наладить хорошее окно; богачъ, конечно, у себя окна стеклянныя понадѣлалъ, а бѣднякъ не побрезгалъ и бычачьимъ пузыремъ. Окна по большей части дѣлаютъ не велики, чтобы по своей же охотѣ холоду въ избу зимою не пускать, да еще именно вслѣдствіе зимней стужи надумалъ Карелякъ жить зимою чуть не кротомъ: какъ только первый морозъ хороший захватилъ тихія ламбы (плесы), такъ Карелякъ и за работу; заколачиваетъ досками свои окна до самыхъ верхнихъ стеколь, только бы чуть-чуть свѣтъ проходилъ, да не очень уже въ избѣ днемъ темно было, и сидѣть всю зиму въ полутемнотѣ — благо ему не кружева плести, не рисунки выводить фигурные. Да не въ одномъ этомъ примѣчается та борьба, которую ведетъ Карелякъ съ морозомъ, а и въ другихъ его мѣропріятіяхъ: избу свою онъ на зиму всегда съизнова конопатить то мохомъ, то паклею, смотря по своимъ достаткамъ, и смазываетъ ее по пазамъ глиною или въ иныхъ мѣстахъ и толченымъ мраморомъ съ навозомъ. Карелякъ покрылъ хату свою тесомъ и пожалуй не на шутку удивится, если разсказать ему, что въ скотскую безкорницу русскій человѣкъ умудрился отъ голода скотину спасать, скормливая ему со своей же избы крышу. По инымъ мѣстамъ, хотя бы напримѣръ въ Новгородчинѣ и Валдайшинѣ, устроился Карелякъ нѣсколько иначе, хотя и



Близъ Королевской деревни въ Повгородской губерніи.

его хата значительно подходитъ къ той, что описана выше; здѣсь и потеплѣе, и попривольнѣе, а потому ему и приходится меныше прятаться отъ мороза; тутъ и погода другая, и житѣе тоже по иному идетъ; хоть и не прочь Карелякъ новгородскій полѣсовничать, да негдѣ, и приходится ему всѣ силы свои направлять на земледѣліе. Все же жилье свое налаживаетъ онъ поближе къ рѣчкѣ да къ лѣсочку, а какъ пришлось ему поневолѣ отстать отъ бродячей жизни и, напротивъ, прикрѣпиться къ землѣ, такъ явилось поневолѣ и желаніе уберечь свои посѣвы отъ ухожаго звѣря и блудливой скотины, и огородилъ онъ деревни свои тыномъ.

Врядъ ли перенялъ Карелякъ у русскаго соѣда свою охоту къ мытю и пареню, и по всѣмъ вѣроятіямъ охота эта прирожденная: въ силу этого всякий хозяинъ, сколько нибудь достаточный, непремѣнно ставитъ саженяхъ въ 20—30 отъ своей избы небольшую баньку для своего обихода; не поймутъ вотъ только Кареляки, какъ это можно въ печь залѣзать париться, гдѣ кирпичемъ убить можетъ и задохнуться не долго, если прогнѣвить чѣмъ нибудь баенника, а его прогнѣвить не долго и не хитро, если не знать, что его постоянно ублажать надо.

Вѣроятно, въ стародавнія времена оболока карельская отличалась отъ русской во многомъ, но чтобы она отличалась отъ послѣдней въ значительной степени, это врядъ ли такъ когда нибудь было, такъ какъ совершенно одинъ и тѣ же причины обусловливали ея составъ и даже покрой; была можетъ кое-какая разница въ излюбленномъ цвѣтѣ, въ украшеніяхъ и прикрасахъ, но приходилось надѣвать все тотъ же длинный тулузъ, то суконный, то мѣховой. Верхняя овчинная одежда кроится у Кареляка всегда въ видѣ полушибка, т. е., другими словами, пускается покороче для того, чтобы какъ можно меныше мѣшала на работѣ; но Карелякъ не стыдится подъ эту полушибокъ надѣть суконный оленій армякъ, такъ какъ пришлась ему по сердцу русская поговорка, будто «паръ костей не ломить». Шапка у него либо баранья, либо суконная изъ оленѣй же шерсти желтоватаго оттѣнка, и притомъ напяливается онъ ее и на уши и на лобъ; не сошьетъ себѣ Карелякъ бѣличьей шапки, такъ какъ русская повадка и здѣсь сильна, и всячески норовитъ онъ все, что получше, въ люди продать, а себѣ похуже оставить. Рукавицы у него всегда съ варегами вязанными, причемъ покупаютъ ихъ либо въ городахъ, либо на большихъ ярмаркахъ, и везутъ ихъ съ Волги. Если къ этому прибавить сапоги высокіе изъ бѣлой, высыпанной кожи, которые по мѣстному уѣждению никогда не промокаютъ, суконныя онучи да высокія валенки, такъ костюмъ Кареляка будетъ полонъ и притомъ тотъ именно костюмъ, что измышенъ имъ отъ холода и зими студеной. Ясное дѣло, что, держа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оленей, а главное получая ихъ по дешевой цѣнѣ изъ Кемскаго уѣзда, могъ Карелякъ одѣться и въ оленыи шкуры и наладить себѣ костюмъ на манеръ поморскій; но все же такой костюмъ не преимущественно карельскій и перенять у Поморовъ цѣликомъ. Даже и сама Карелячка, принадлежащая къ тому полу, который всегда и всѣми былъ признаваемъ за блюстителя національности, въ этническихъ ли, или костюмныхъ чертахъ, даже и она поддалась вполнѣ чужому вліянію: только сравнительная бѣлоглазость да юпчонка какая-то, будто не совсѣмъ русская, выдаются въ ней Урало-алтайку, а иначе и по оболокѣ не



Савакоты.

отличить ее издали отъ нашей русской женщины, если взять послѣднюю изъ тѣхъ нашихъ губерній, гдѣ народъ живетъ поголоднѣе. Карелячка носить холщевую сорочку съ длинными и узкими рукавами, юпку, по преимуществу синяго цвѣта, а сверху надѣваетъ на неѣ русскій сарафанъ, изукрашенный металлическими пуговками на безшовскій манеръ; башмаковъ женщины почти не носятъ вовсе, а облюбили болѣе длинные мужскіе сапоги изъ бѣлой, выцемленной кожи, такъ какъ зачастую работать приходится то въ болотѣ, а то и за просто въ водѣ; голову Карелячки не повязываютъ, а просто линь накрываютъ платкомъ, двумя — сколько ихъ найдется у нихъ въ сундуке. Лѣтомъ костюмъ конечно иѣсколько измѣняется, но вовсе уже не такъ значительно. Мужикъ надѣваетъ тогда такъ называемую «иннитку» или полукафтанъ, а голову покрываетъ низкою поярковою шляпою, а то такъ и оленя суконная сослужитъ заодно и лѣто и зиму; на ногахъ у него все тѣ же бѣлые сапоги, которыхъ одна Кимра изготавливается въ годъ на 200 т. рублей и отправляется въ Шунгу, на ярмарку; лаптей и вовсе не увидишь въ Карельской сторонѣ. Въ праздникъ, коли выйти въ болыномъ карельско мъ селѣ на улицу, такъ подумаешь, что пошли въ какой нибудь фабричный городъ, такъ какъ Карелякъ щеголяетъ тутъ въ красной рубахѣ и фабричной фуражкѣ, а Карелячка гуляетъ въ шерстяномъ сарафанѣ, высокихъ чулкахъ и бѣлыхъ сапогахъ; въ особенности интересно, что по костюму можно легко отличить холостаго Кареляка отъ женатаго; дѣло въ томъ, что холостые парни, по давно заведенному и непозабытому еще обычаю, выставляютъ надѣголенищемъ на показъ пальца на 2 — 3 ободокъ чулка, искусно связанный изъ разныхъ шерстей то шашечками, то въ кѣточку, а то и съ хвостиками и крестами. Щеголеватѣ всего одѣваются въ бывшой столицѣ Карелии, въ Паданахъ, стоящихъ на Сегозерѣ — одномъ изъ самыхъ богатыхъ селъ карельскихъ, вслѣдствіе обилия рыбы, угодьевъ и положенія на сплавномъ пути.

Питается Карелякъ хотя и не вовсе роскошно, но все же не въ примѣръ лучшее нашего крестьянина, такъ какъ сама природа достаточно надѣлила Кареляка и рыбой, и пищею, и звѣремъ всякимъ; но въ поискахъ своихъ за лишнюю копейкою, онъ охотнѣе продаетъ скучинку все, что получше, а на свой обиходъ оставляетъ линь худшее. Хлѣбъ у Кареляка почти весь покупной; своего и на мѣсяцъ не хватаетъ и только развѣ новгородскій Карелякъ да петербургскій Ижорецъ и Савакотъ посчастливѣе тѣмъ, что могутъ разсчитывать мѣсяца три просуществовать на своемъ, непокупномъ, но куда какъ дорогомъ по массѣ потраченного труда хлѣбѣ; благодаря этому обстоятельству, однимъ изъ главныхъ расходовъ для Кареляка представляется покупка муки, которой требуется много, хотя онъ вообще и не особенно охотно живетъ много тягольными семьями и падокъ на дѣлѣжки. Овса однако все же рождается больше, нежели ржи, а потому и привыкла Карелячка печь хлѣбъ пополамъ изъ ржаной и овсяной муки; даже и слово особое подобралъ Карелякъ въ свое мѣсто языкъ для своего половинчатаго хлѣба и называетъ его «коккой» или по нашему овсяникомъ. Кое-когда наваритъ хозяйка похлебки изъ сущеной мелкой рыбы и похлебка эта носить громкое название щей, хотя въ неї нѣть ни листочка капусты, къ этому суну она непремѣнно присоединитъ пареной или печеной рѣбы, покрошитъ картофеля, на праздникъ прибавить хозяйка къ этой снѣди соленыхъ окуней или плотвы — вотъ и весь обѣдъ кареляцкій. Понятное дѣло, что если ненарокомъ держить хозяинъ оленей, или вообще осеню, когда набьетъ отецъ дичи, или сынишка какъ нибудь утку подкараулить, есть Карела и мясо, да только рѣдко такие дни выдаются, такъ какъ отецъ лучше не дѣстѣть съ семьею, а сладкій кусокъ все же таки обратить въ деньги. Рыбу есть вся Карела охотнѣе вареную, нежели жареную и при томъ тщательно стараются чешуи не снимать и увѣряютъ, что въ такомъ видѣ она много вкуснѣе и болѣе даетъ навару; развѣ уже выпросишь изжарить рыбу, а то подавать будутъ непремѣнно вареную, такъ какъ даже смыются надѣть на неѣ жареную рыбку, увѣряя, что это равняется сыроястию. Одною изъ любимѣйшихъ снѣдей Кареляка слѣдуетъ несомнѣнно признать ветвороженное молоко и рѣну, наиболѣе употребляемое въ Карелии.

бительною, — окуневую и другую малю и рыбешку, а любимъишимъ и единственнымъ пойломъ — рѣпный квасъ. Картофель съяютъ олонецкіе Карелы рѣдко, да къ тому же и рѣдко онъ урожаистъ бываетъ, а больше все пропадаетъ отъ раннихъ утренниковъ въ полѣ мѣсяцѣ; напротивъ того, новгородская Карела, а также и петербургскіе Савакоты и Ижорцы охотно и помногу съяютъ картофель, который въ ихъ мѣстахъ прекрасно родится и представляеть для нихъ прекрасное подспорье въ смыслѣ їды и столованья; тамъ иныя деревни только и дышать картофелемъ, который везутъ въ Петербургъ или же продаютъ его скучникамъ, изъ колонистовъ, выдающимъ ихъ за свое собственное, очень цѣнное столичными жителями произведение.

Ѣсть Карелякъ и три и четыре раза въ день, смотря по тому, что онъ дѣлаетъ; такъ напримѣръ, если онъ полѣсуетъ, такъ тутъ некогда обѣ їдѣ думать и благо разѣ-то поѣсть достанется, такъ и то ладно, а когда онъ подлѣ дома копошится, то и четыре онъ раза поѣсть въ день: коли выѣдетъ Карелякъ на тоню, такъ и Ѣсть уху чуть ему выдается свободная минута, не разбирая, сколько ему разъ въ день поѣсть придется. Пьетъ онъ умѣренно, хотя и потчуютъ его съ Руси сивухою, а со стороны сосѣдней Финляндіи — картофельно-моховою отравою: только Савакотъ да Ижорецъ пьетъ чуть ли не поисправнѣе всякаго Русскаго, такъ что приходится даже народу сосѣднему говорить про иницицъ: «напился, какъ чухонецъ». Въ пріонежскихъ, сегозерскихъ и дальнихъ карельскихъ волостяхъ народъ пьетъ гораздо меньше уже потому, что почти сплошь вся эта Карела попала въ безпоповщину, а слѣдовательно и не падка въ силу твердаго убѣжденія на водку.

Сильно и почти постоянно долженъ работать Карелякъ для того, чтобы прожить какънибудь свою жизнь; вышелъ онъ коренастъ и силенъ, а потому ему и не на пагубу трудная работа, продолжающаяся всю жизнь; только подстоличные Карелы (Савакоты и Ижора) не несутъ тяжкихъ трудовъ, а пробавляются больше возкою въ городъ молока, сливокъ и яицъ; напротивъ того, сѣверный Карелякъ и лѣсь рубить, и рыбу ловить, и полѣсуетъ, и разъ по восьми пашетъ землю, добытую имъ на огнищѣ, тщательно ее выбораниваетъ; косить сѣно зачастую верстъ за двадцать отъ роднаго села и въ концѣ концовъ, послѣ трудового, тяжелаго года выручить этимъ почти непосильнымъ трудомъ ровно столько, сколько едва можетъ хватить на то, чтобы съ грѣхомъ пополамъ прокормить семью. Прежде всего конечно въ страдную пору наступаетъ время сѣнокоса; уже 24 июня, а то и за всю неделю до Петрова дня покидаетъ Карелякъ свой домъ со всею семьею, забираетъ косы и горбушки и переселяется на лодкѣ либо внизъ, либо вверхъ по рѣкѣ на свои покосы, расположенные пятка на 3 и даже на 4 верстъ отъ его жилища, а койкеницкіе крестьяне еще недавно косили за 60 верстъ отъ своего села. Сѣнокосъ и у насть на Руси время веселья, огульной їды яичницъ и куръ и ухаживанья; то же самое можно наблюдать и у Карелы, съ тою лишь разницей, что тутъ цѣлымъ селомъ на покосѣ не выѣзжаютъ по той уже простой причинѣ, что зачастую карельскія деревни состоять всего изъ одного двора и изъ одной семьи. Не успѣнь оглянуться, какъ дѣло близится уже къ Успеньеву дню, и значитъ пора налаживать лодку на обратный путь, такъ какъ настаетъ время собирать всякую штуку, пригодную для полѣсованія, и отправляться на добычу вплоть до середины октября, а коли есть охота, да нѣтъ удачи, такъ и до ноября. Въ самое послѣднее время своимъ умомъ дошелъ Карелякъ до такой ухватки, которую нигдѣ еще русскій человѣкъ не осилилъ; видѣлъ онъ давно, что выдалась подлѣ его деревни болотина жирная, которую затянуло грязью и ржавчиной. Карелякъ порѣшилъ, что воду можно согнать, а что грязь только дѣлу доброму поможетъ, да не по силамъ было ему одному за такое дѣло взяться и задумали они въ силу этого невиданное до селѣ никѣмъ дѣло: стали по три и по четыре хозяина дѣло дѣлать сообща, осушали болотину за болотиной, сѣяли на ней уже не рѣпу, а прямо таки рожь и родилась она у нихъ безъ навоза самъ-пятнадцать. Кареляки повторили снова и снова свой опытъ и снова достигли тѣхъ

же блестящихъ результатовъ. Пошла въ ходъ артельная осуника; стала къ этой мудреной штукѣ приглядываться и русскій крестьянинъ — беспоповецъ, перенялъ хитрую выдумку бѣлоглазой Чуди, а теперь не нарадуется, увѣряя, что «се Господь умудряеть младенцевъ». Не одною землею и полѣсованіемъ живеть и кормится Карелякъ, а ходитъ въ отхожіе промыслы; то уйдетъ онъ зимою на вывозку бревенъ изъ лѣса къ ручьямъ и рѣчкамъ, а весною отправляется на выгонку тѣхъ же бревенъ къ лѣсопильнымъ заводамъ или же въ большія озера, гдѣ уже ихъ вяжутъ въ кошели и плоты и ведутъ пароходами дальше къ Пе-



Часовня близъ Евгоры на Сегозерѣ.

тербургу. Питается Карелякъ и отъ рыболовства и ловить рыбу то своимъ собственнымъ неводомъ, а то сходится еще съ нѣсколькими домохозяевами, строить на общей съ ними коштѣ неводъ, рыбачить артелью и затѣмъ всю добычу дѣлить по числу участковъ, да одну лишнюю долю откладываютъ на церковь, на «Миколу многомилостиваго». Тоже вѣдь неводъ наладить дѣло не легкое и денегъ на него идеть цѣлая уйма; требуется для него однѣхъ веревокъ 350 сажень, что при самыхъ дешевыхъ изъ нихъ становится рублей въ пятнадцать, да льна чесанаго купить надо на 35 р., да за вышрядку его отдать надо 8 р., да за все плетенье — не меньше 12 р., да за матку особо — 6 рублей, такъ что, какъ посчитаешь, то и выйдетъ, что добрый озерный неводъ становится въ 75 руб., безъ всякихъ приспособленій, которыя въ свою очередь тоже денегъ стоятъ. Такимъ неводомъ наловить артель въ иное время, когда заладится удача, пудовъ до 60 рыбы, которую продаетъ рублей за 95 — 100, т. е. сразу окупить стоимость снасти, а въ слѣдующіе затѣмъ ловы станеть уже промышлять въ чистый барышъ. Не однимъ однако озернымъ неводомъ ловить Карелякъ рыбу и не брезгаетъ также мережами, крючьями и переметами; на эти не мудрые снаряды идеть «хаукка» (щука), что бываетъ разныхъ сортовъ и вытягиваетъ отъ $\frac{1}{2}$ до 30 фунтовъ и стоять за фунтъ гдѣ 4, а гдѣ и 6 коп.; попадается и «савенъ» (окунь), «лигна» (лещь), «савну» (язь), «кишкой» (ериць), «сярги»

(плотва), «солатти» (салака), а изрѣдка попадается и «митика» (минога), которой залеживаться не даютъ, а откладываютъ въ сторону, такъ какъ скунщикъ охотно даетъ за нее по 6 к. за фунтъ, свезеть въ Питеръ и продаетъ тамъ за настоящую рижскую миногу.

Только съ первого взгляда лѣса Озерной области представляются пустынею, но какъ походишь по нимъ, то увидишь, что они кишатъ звѣремъ всякимъ и дичью; могъ бы Карелякъ питаться мясомъ вволю, да судьба наслала и въ его сельбища скунщиковъ съ деньгами, которые спасе для Кареляка, нежели сътная пища; и здѣсь сталъ онъ добывать насущный хлѣбъ свой изъ вторыхъ рукъ, изъ-подъ чужаго, пришлага ума. Скунщикъ, какъ и вездѣ по Озерщинѣ, задаетъ Кареляку впередъ рублей 50 денегъ, зная навѣрное, что, если пропадаютъ деньги иногда за банками разными, то за Карелякомъ не пропадутъ и что наживешь отъ него, отъ простаго человѣка, рубль на рубль. Лишь только вернется полѣсовщикъ почти изъ трехмѣсячнаго промысла своего, какъ подвернется къ нему скунщикъ или же прикащикъ его и тотчасъ назначаетъ цѣну всякому сорту дичи; тутъ нехитрое дѣло услышать, что пара рябчиковъ цѣнится въ 10 — 12 к., а за пару тетеревовъ даютъ 15 — 20 коп. Ясное дѣло, что никто полѣсовщика неволить не станетъ, самъ прикащикъ посовѣтуетъ ему попридержаться съ дичью и подождать обозначенія цѣнъ; но сколько ни жди — толку изъ этого жданья въ большей части случаевъ не выходитъ никакого, такъ какъ, понятно, все скунщики между собою давно въ цѣнахъ сговорились и никто изъ нихъ не перебьетъ цѣны и не сдѣлаетъ надбавки; какъ ни вертись, сколько ни жди, а продать придется все по той же цѣнѣ, да еще пожалуй съ подожданьемъ и впросакъ попадешь, такъ какъ скунщикъ начнетъ товаръ хулиить и увѣрять, что онъ успѣлъ уже тронуться, и сбавитъ еще цѣну. Не всегда скунщикъ чистыми деньгами платить, а напротивъ того норовить за товаръ товаромъ отдать и вѣчно набивается съ порохомъ, пульками и т. п. Въ этомъ случаѣ пара рябчиковъ у Кареляка сойдетъ и за 5 к., такъ какъ фунтъ пороху идетъ въ пяти четвертакахъ, а фунтъ пулекъ въ шести гривнахъ. Не безъ ума надо быть, чтобы дичь уложить въ дальний путь, а то привезешь въ Питеръ труху одну вмѣсто дичи; класть ее надо въ коробы и притомъ такъ, что наложить рядокъ дичи, а поверхъ ея настелютъ рядокъ соломы, а черезъ два или три такихъ ряда продернутъ черезъ весь коробъ палки, чтобы птица не слеживалась и не мялась; что ни сто паръ, то подвода новая, за которую хоть и не очень широко платятъ скунщики, а все не менѣе 10 р. дадутъ, такъ что расходъ этотъ на каждую пару лжетъ цѣльми десятью копѣйками; если затѣмъ поставить въ счетъ свои харчи въ дорогѣ, да въ Питерѣ, да коневѣй прокормъ, то подвода и станетъ въ 21 рубль, а каждая пара самому обойдется въ 31 — 33 коп.; все это такъ будетъ, если не принимать въ разсчетъ, что петербургскіе купцы съ своей стороны подтянуть захотятъ, а такъ какъ невиданное дѣло, чтобы съ ихъ стороны не было прижимки, то на повѣрку и выходитъ, что не стать «бѣлоглазому» самому торговатъ совсѣмъ, а не въ примѣръ способнѣе и лучше продать на мѣстѣ дичь скунщику, а тамъ вези



Ижорцы около Нарвы.

онъ, какъ знаетъ. Въ силу этихъ-то соображеній, при громадномъ богатствѣ дичи и питается Карелякъ отъ крохъ, падающихъ со стола скupщиковъ.

Коли спросить Кареляка, какой онъ вѣры, то услышишь въ отвѣтѣ, что запросто русской. Расколъ безпоповства, устроивши свой главный иріютъ чуть ли не въ самомъ центрѣ Карельской земли, не могъ не вліять на Кареляковъ въ значительной степени; въ концѣ концовъ оказалось, что олонецкая Карела, да и часть новгородской заявилаась «нѣтчиками» у Св. причастія, т. е. другими словами оказалась принадлежащею къ безпоповщинѣ поморскаго согласія; по всей Карелии не встрѣтишь даже и на православныхъ церквахъ шестиконечнаго никоновскаго креста, а въ глухихъ мѣстахъ то и дѣло попадаются часовни былыхъ скитовъ раскольничихъ, отчасти разрушенныхъ, а отчасти и до сихъ поръ еще не покинутыхъ доживающими въ нихъ свой вѣкъ отшельниками. Но ни новая Никонова вѣра, ни старинная князей Мышецкихъ не спасаютъ Карелянина отъ вѣчнаго, исконнаго недолюбника человѣческаго, который въ теченіе всей жизни человѣческой строить человѣку всякия каверзы, не даетъ покоя, доживая въ качествѣ «кегно» или чорта свой вѣкъ, послѣ того какъ Карела перестала признавать въ немъ бога. Кабы кегно еще одинъ былъ, такъ тогда бы испола горя, а въ томъ-то и бѣда, что ихъ міліоны, и нѣтъ такой вещи или такого мѣста, гдѣ не жилъ бы свой собственный кегно, которому дѣлать-то нечего и одна думушка — каверзничать. Вотъ вѣдь, кажется, на что уже простое дѣло жить себѣ тихо да смирно въ своемъ дому, а тоже, если не поладишь съ «куттненъ-кегно», или попросту съ домовыми, такъ лучше и на свѣтѣ Божій не родиться; ухитрится онъ такъ пристать, душить станетъ по ночамъ. Иной русскій человѣкъ, пожалуй, въ невѣдѣніи своемъ подумаетъ, что лошиадь такъ, безъ всякой причины заболѣла, а Кареляка не такъ-то легко надуть: онъ отлично знаетъ, что тутъ не обошлось дѣло безъ кегно и что это кегно ее ударило, не взлюбивши за что нибудь ее или ея хозяина. Опять тоже часто русскіе и притомъ въ особенности городскіе и чиновные люди толкуютъ, будто падучая — не что иное, какъ простая болѣзнь, но Карелякъ знаетъ, что старый баловникъ кегно забрался въ человѣка, спасаясь отъ гиѣва Божія и надѣясь, что Богъ не убьетъ его, сидящаго въ любимомъ Божиемъ твореніи. Тифъ схватить Карелякъ, и опять таки всѣ домашніе увѣрены, что это кегно въ немъ поселился; сведутъ его въ баню и жарятъ его тамъ до такой степени, что кожа съ больнаго сходить станетъ: бываетъ, что кегно не вынесетъ жару и выйдетъ изъ больнаго, а чаще всего такъ случается, что старый разсердится и передъ выходомъ убьетъ тифознаго. Вотъ осна не отъ кегно наслана, а сама по себѣ. Прививать оспу Карелякъ низачто не хочетъ, да еслибы и прививалъ, такъ все же таки при своемъ отношеніи къ этой лютой болѣзни не освободился бы отъ зараженія; оспа является въ понятіи Карелы какимъ-то самостоятельнымъ миѳическимъ лицомъ, и народъ не иначе ее называетъ, какъ «Марья Ивановна желанная» или «Осница матушка». Когда приключится у кого нибудь оспа, то вся деревня отъ мала до велика собирается, кто во что гораздъ, разные дары и отправляется въ зараженный домъ. «Здравствуй, Марья Ивановна!» говорятъ съ низкими поклонами пришедшіе, — «здравствуй на многія лѣта! Благодарствуй, что посѣтила насъ, покорныхъ рабовъ твоихъ! не будь ты намъ злюю мачихою, будь родною матерью! Ты лики-то порти, да въ гробы не клади! не побрезгай дарами нашими!» Все это сопровождается конечно учащенными поклонами, и дары подносятся больному, который по изстари установившемуся обычай долженъ всего отвѣдать: и рыбника, и водочки. Затѣмъ дары съѣдаются пришедшими и сродниками больнаго, а самого осеннаго ведутъ въ страшно наполненную баню, гдѣ и «выпаришаются» оспу жаромъ въ 90°. Иной отъ такого леченія выздоравливаетъ, а большинство, конечно, умираетъ, и на Каличныхъ Островахъ въ 1873 году изъ 39 душъ населенія умерло 19, благодаря такому отношенію народа къ страшной гостьѣ. Вотъ тоже есть такие люди, что смѣются, а уже на что вѣрная примѣта, чтобы, когда отелится корова или начнется посѣвъ, не отдавать ничего изъ дому, такъ какъ вмѣстѣ съ отданною вещью легко отдать и счастье; не годится тоже въ это время полы мыть и лавки, а то неравно вмѣстѣ съ

грязною водою выльешь и задачу; придетъ ежели сосѣдка вечеромъ, особенно послѣ заката солнечнаго, да попроситъ молока, такъ давать отнюдь не слѣдуетъ, такъ какъ, если иная хозяйка и разжалобится, то у нея коровы перестанутъ давать молоко. На всякое дѣло требуется знаніе обычаевъ, установленныхъ умными, старыми людьми, а безъ этого знанія пропадешь на свѣтѣ пропадомъ. Конечно иная неопытная бабенка легко можетъ веретено объ Пасху на столъ положить, да не годится такъ дѣлать, такъ какъ змѣй будетъ у нея съ той поры коровъ доить; или подаетъ въ ту же Пасху какой нибудь неразумный человѣкъ милостыню — оно будто и ничего, а на самомъ дѣлѣ бѣдовое дѣло, и послѣ такого неосторожнаго поступка въ томъ домѣ все будетъ мимо рукъ идти, ни въ чемъ не будетъ прибытка, а все уплывать будетъ, какъ вода. На Купалу, какъ и вездѣ, и дѣвкамъ, и бабамъ, и парнямъ великая забота; купальскіе дни великие дни! бабы должны идти на рѣку или на озеро ближннее мыть створцы и мѣдную посуду, такъ какъ если въ купальской водѣ ихъ помыть, то и кушанье будетъ цѣлый годъ на пользу и болѣзнь не завернетъ въ избу; дѣвкамъ тоже полагается на воду идти, такъ какъ и имъ надо купальскою водою помыться: помоются онѣ въ рѣкѣ, и понесетъ она обѣихъ добрую славу по свѣту, услышать ея похвалу женихи, что по изстари же заведенному обычаю ходятъ на Купалу къ рѣкамъ прислушиваться къ лепету волнъ, и пріѣдутъ за тѣхъ дѣвушекъ свататься. Хорошо тому жить, кто все примѣты знаетъ, да гдѣ ихъ все знать! знаютъ ихъ только развѣ «найбать» (колдуны), «тьетэйэтъ» (знахари) и «нѣкіэтъ» (прорицатели), а они своего знанія тоже всякому не передадутъ и не предупредятъ человѣка отъ бѣды. Вотъ хотя бы въ дорогѣ свинью встрѣтить — счастье, барышъ, а повстрѣчай на дорогѣ, самое ужь вѣрное изъ всѣхъ животное, собаку или бабу какую, хотя бы даже собственную жену, которая конечно уже худа мужу не пожелаетъ, — воротись лучше домой, если за какимъ нибудь дѣломъ, такъ какъ удачи ни въ чемъ не будетъ, а напротивъ того еще какая нибудь бѣда стрясетъ. Кому первому изъ семьи приведется весною увидать желанную залетную гостью — ласточку, тому подобаетъ тотчасъ умыться, и цѣлый годъ душа его будетъ также чиста, какъ эта безобидная птичка. Выѣхалъ Карелякъ на рыбную ловлю — первый уловъ самому съѣсть нельзя, а весь цѣликомъ продать, хотя бы покупатель давалъ за полупудовую палю грошъ мѣдный; попробуй не сдѣлать этого, попробуй хоть одну штуку салатты даромъ отдать — бѣда будетъ великая и придется домой ни съ чѣмъ возвращаться. Настало тепло послѣ Купалы — только бы купаться! а добрые люди не совсѣмъ, такъ какъ между Купалой и Петропавловомъ водяной чудачить, справлять свою свадьбу и скрываетъ отъ людей свои пиршества и безобразія зеленымъ сукровомъ, а глупые люди толкуютъ, будто это вода цвѣтетъ! разорвѣтъ сукровъ купающійся, разсердится водяной, да и уволочетъ смѣльчака въ свое царство — и поминай его какъ звали. Вотъ въ Егорьевъ день искупаться хорошо для человѣка, да и то не въ рѣкѣ, а въ ручье и притомъ въ такомъ ручье, что течетъ съ юга на сѣверъ. Коли хочетъ хозяинъ, чтобы скотъ у него водился и не падаль, стоитъ только сороку убить да повѣсить ее надъ дверями: кегно страхъ какъ не любить эту птицу — она все его передразниваетъ. А пусть-ка кто нибудь попробуетъ кошку помучить! не сладко ему придется отъ кегно; кошка приходится кегно другомъ и когда она мурлычитъ, то это она ему про людей разсказываетъ, сплетничаетъ; конечно, иной и не повѣритъ, а попробуй ка кошку въ темный уголокъ увести да приласкай ее противъ шерсти — то и дѣло будутъ искры сыпаться изъ глазъ кегно отъ злобы; поймай искорку да спрячь ее за пазуху, поближе ко кресту — и обратится она въ золото. Коли вздумаетъ Карелякъ сходить въ баню, попариться, такъ прямо съ прихода возьметъ новый, ни разу еще не употреблявшійся вѣникъ, положить его на лавочку, нальеть въ шайку горячей и холодной воды, такъ какъ долженъ онъ непремѣнно позаботиться о хозяинѣ-банникѣ, который запаритъ человѣка, коли послѣдній его чѣмъ нибудь не уважить и безъ этой ухватки станетъ мыться. Когда помретъ кто нибудь въ домѣ, то на оконце непремѣнно для обмычки души слѣдуетъ поставить чашку съ водою и къ краю чашки луchinку положить — было бы по чему душѣ въ чашку взо-

браться; когда выносить станутъ покойника, то не худо набрать въ платокъ или хоть въ карманъ камешковъ, да и понакидать ихъ въ могилу, чтобы покойнику труднѣе было изъ земли выйти, а вернувшись домой послѣ похоронъ, слѣдуетъ, ставши посрединѣ горницы, изо всей мочи камешки швырять въ углы, чтобы выгнать покойника, если онъ вздумалъ уже на мученье оставшимся въ живыхъ выйти изъ могилы. Иной неразумный человѣкъ, похоронивши сродника, тотчасъ и за ѳду примется, такъ это тоже и грѣхъ великий и бѣдовое дѣло! прежде подобаетъ очиститься, дотронувши ладонями до печи. При рожденіѣ тоже не безъ примѣтъ и не безъ особыхъ обычаевъ; первымъ дѣломъ, какъ только въ домѣ родится ребенокъ, такъ больше уже дровъ и воды въ ту горницу не вносятъ, такъ какъ иначе зубовъ ребенокъ не сдѣлаетъ и водянка у него непремѣнно приключится; хорошо также положить при родахъ у самаго порога камень, такъ какъ отъ этого ребенокъ крѣпче становится и скорѣе ходить научится. Отъ всякой пропажи у Кареляка тоже есть средство и притомъ весьма вѣрное: коли пропадетъ какая нибудь вещь, такъ слѣдуетъ взять съ какой нибудь могилы земли и побрасывать ее передъ людьми: виноватый не выдержитъ такого испытанія и выдастъ себя смущеніемъ; коли пропадетъ животное, такъ стоитъ только взять кусокъ забытаго въ печи хлѣба, помянуть животное передъ образами, снести кусочекъ въ хлѣбъ — и скотина найдется. На что уже, кажется, трудное дѣло унять кровь изъ раны или изъ носу, но Карелякъ и передъ этимъ не остановится: возьметъ онъ то самое орудіе, которымъ онъ порѣзался, укуситъ лезвие до трехъ разъ и поплюетъ на свою рану — тотчасъ кровоточеніе остановится. Когда строятъ домовину, то стараются, чтобы по щепкамъ и стружкамъ никто не ходилъ, а то всегда, даже и въ оттепель, ноги будутъ зябнуть. Въ лѣсѣ идти слѣдуетъ всегда поѣзни, а коли пойдешь въ лѣсѣ голодный, то кукушка вишей напуститъ и вѣкъ отъ этой напасти не отбояришься. Коли вздумаетъ Карелякъ строиться, то также надо знать, какъ это дѣло дѣлать; прежде всего слѣдуетъ подъ первое бревно положить небольшаго болванчика изъ глины, съ руками и ногами, чтобы быть онъ похожъ на человѣка, а затѣмъ подобаетъ примѣтить, какъ первая щепка ляжетъ: если щепка опрокинется на землю корою вверхъ, можно продолжать рубить избу, а коли невзначай да ляжетъ она корою внизъ, такъ лучше и не трудиться ставить домъ на этомъ мѣстѣ, такъ какъ либо сгоритъ онъ до тла, либо счастья живущимъ въ немъ не будетъ никакого. Ужъ на что простая штука воротъ отъ рубахи, а коли толково съ нимъ обойтись, такъ мудреную онъ загадку угадать можетъ, такую мудреную, что иная бабенка за это и Богъ вѣсть чего бы не пожалѣла; какъ начнуть его кроить, такъ слѣдуетъ обрѣзки на дверь положить и примѣтить потомъ, что будетъ: войдешь въ дверь первымъ мужчина — родится въ домѣ томъ мальчикъ, а коли баба, то принесетъ хозяйка дѣвочку. Не хитра тоже штука иголка, а коли переломить ее невзначай дѣвушка, да возьметъ себѣ ушко, а кончикъ бросить на дорогѣ, пойдетъ по дорогѣ парень, подниметъ кончикъ — и станетъ кончикъ по ушку болѣть, а парень сохнуть по дѣвкѣ.

Карельскій языкъ весьма немногимъ отличается отъ финскаго языка Финляндіи. Онъ облюбилъ въ особенности шипящіе звуки и говоритъ поэтому «микки» вмѣсто «микси» (зачѣмъ); любить онъ также всячески смягчать твердые согласные и охотно замѣняетъ *к*, *н*, *т* звуками *г*, *н*, *д*, какъ напримѣръ въ такихъ словахъ, какъ «айгахъ» (вмѣсто «айкаанъ»), «піенемби» (вмѣсто «піенемпі») и «тьедэйэтъ» (вмѣсто «тіетэйэтъ»). Въ карельскомъ языке не умѣютъ дѣлать различія между дѣйствительнымъ и страдательнымъ залогомъ въ окончаніи третьаго лица множественного числа глаголовъ и говорять «мо» «тулиммо», «тіо» «тулитта» и «хіо» тудъдихъ». Не любить Карелякъ также и звука *у* послѣ гласныхъ и охотно замѣняетъ его въ *в*, какъ напримѣръ говорятъ «хэтэвди» вмѣсто хэтеути», «новшу» вмѣсто «ноусу». Окончаніе на носовую согласную послѣ длинной гласной онъ охотнѣе замѣняетъ придыхательнымъ *х*, укоротивъ предшествующую ему гласную, и говорить «шаноттихъ» вмѣсто «саноттіинъ». Вообще карельскій языкъ считается обладающимъ древними формами нынѣшняго финскаго языка и изучаемъ филологами также, какъ для изслѣдованія по языку русскому изучается церковнославянскій. Только

между собою говорятъ еще Карелы на своемъ родномъ языке, но, за исключениемъ дальнихъ карельскихъ волостей Повѣнѣцкаго уѣзда, всѣ Карелы превосходно говорятъ по-русски. Добрые люди пожелали, чтобы Кареляки имѣли и книги на ихъ родномъ языке, и прежде всего принялись конечно за евангелие; но къ сожалѣнію переводчиками явились люди совершенно къ этому дѣлу не подготовленные, и потому мало кто изъ Кареляковъ можетъ понимать переведенное для него священное писаніе. Понятное дѣло, что Карелякъ не могъ имѣть понятія о прелестяхъ новѣйшей цивилизациіи, а потому и не имѣлъ въ языке своемъ подходящихъ словъ, но досужіе переводчики не задумались надъ этимъ и понадѣлали цѣлую массу словъ, въ родѣ: «бродягатъ», «дорогать», «командать, билетной, солдатайнъ» и т. п.; когда приходилось переводить въ катехизисѣ отдель подъ заглавіемъ «общія обязанности христіанина», то ловкій человѣкъ сдѣлалъ изъ этого: «мида пидавъ роата христинъ гейло кайкисъ энзимѣхзексѣ, т. е. передалъ эти три русскія слова словами: что всякий день случается христіанину нужнымъ сдѣлать. Понятно послѣ этого, что никто этихъ будто бы карельскихъ книгъ не читаетъ, хотя ихъ и разсылаютъ даромъ въ карельскія волости.

Если бѣденъ хлѣбомъ русскій человѣкъ, то про Кареляка и говорить нечего; хлѣбъ доставать ему гораздо труднѣе, такъ какъ для того, чтобы разыскать себѣ мѣстечко для посѣва, Карелякъ зачастую принужденъ бываетъ уѣзжать верстъ за 20 отъ своего селенія, да и тамъ только послѣ почти неимовѣрныхъ усилий успѣеть собрать самъ-третей свой скучный посѣвъ. Все бы это однако было бы испола горя, да вздумали и Карелу привести на общее положеніе и дать ей надѣлъ въ 30 десятинъ на душу, не взирая на то, что Карелякъ до сихъ поръ не осѣлъ еще и не можетъ удовольствоваться никакимъ надѣломъ, а будетъ, едва линь уѣдетъ начальство, снова разѣзжать по всему Заонежью въ искательствѣ покосовъ и годныхъ для посѣва земель и охотиться тамъ, гдѣ ему заблагоразсудится. Плохо приходится теперь Кареляку, такъ плохо, что хоть волкомъ вой! а прежде ему жилось куда лучше, да люди стали хуже, бросили свои стародавніе обычай и смѣются надъ тѣмъ, во что вѣрили отцы и дѣды. «Прежде», увѣряютъ Кареляки — «вся земля была карельская и были тогда Карелы сильны и богаты: сѣнокосы были по сажени, а палья была тоже по сажени и ловилась не неводомъ, а сачками. Жилъ тогда въ Карельской землѣ старикъ Тулле; жилъ онъ въ большой пещерѣ, и всѣ Тулле уважали, и былъ Тулле царемъ карельскимъ и держалъ въ страхѣ и Руотсалайновъ (Шведовъ) и Кайну (часть финской Финляндіи). Вышелъ разъ Тулле на сельгу прогуляться и увидалъ идущаго ему на встрѣчу волосатаго человѣка, всего покрытаго овечьей шерстью. Испугался того человѣка Тулле, такъ какъ никогда не видалъ въ свою жизнь ничего подобнаго; прибѣжалъ испуганный Тулле къ своимъ и сказалъ имъ великое слово: «много лѣтъ жилъ я на желтомъ свѣтѣ (бѣлый свѣтъ Кареляки называютъ желтымъ) и не видалъ еще овечьей шерсти на человѣка; прячьтесь скорѣе и спасайтесь въ норы и подъ дома свои, заложите двери и окна, завалите двери, входы каменями — этотъ человѣкъ-овчина принесъ вамъ конецъ вашъ!» а самъ спрятался въ свою пещеру, гдѣ жилъ и варилъ пищу, и пещера закрылась за нимъ сама такъ, что не видать было входа и выхода; а овчина прогнала оленя, испугала медвѣдя, угнала бобра изъ его домовъ, застрашала лося, нагнала страхъ на хитрую рысь... ну какъ же тутъ было устоять Карелянину противъ человѣка-овчины! Такъ и до сихъ поръ о Тулле ничего не слышно; говорятъ добрые люди, будто онъ выходитъ иногда изъ щелья (скалы), подаетъ Кареляку руду и спрашиваетъ: «тутъ-ли еще человѣкъ-овца?» Никто не знаетъ, про что онъ спрашиваетъ, и не могутъ дать ему отвѣта, а онъ поглядитъ только на Кареляка и головою закачаетъ, и говорить: «тутъ онъ, тутъ! по всему видно!» и снова уходитъ въ свою пещеру. И силенъ этотъ человѣкъ-овчина, котораго такъ испугался старый Тулле! всѣ звѣри земли Карельской ушли отъ него, да и самъ Карелякъ бросилъ свои шкуры и, облекшись тоже въ овчину, того и гляди вовсе утеряетъ свои характеристическіе признаки и станетъ на благо родины трудиться рука объ руку съ страшнымъ прежде волосатымъ человѣкомъ-овчиною, который сталъ теперь его братомъ и сотовари-

щемъ. Не проснется ли тогда и богъ карельскій Тулле? не все же ему спать въ его пещерѣ. Быть можетъ, тогда всколыхнутся озера, болота карельскія, богатыя всякою дичью; зашумитъ лѣсъ, готовый на послугу своему наслѣнику, и Карелякъ, вспомнивъ своего стараго Тулле, возьмется за умъ. А пока все снить въ Карельской землѣ, какъ и спить самъ Тулле, да заснулъ и тотъ человѣкъ-овчина, который надѣлалъ столько хлопотъ и самому Тулле, и всѣмъ его поклонникамъ; кто знаетъ, быть можетъ, придетъ время, когда и человѣкъ-овчина проснется отъ своего богатырскаго сна и приложитъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Карелякомъ руки къ тому непочатому углу богатствъ, которыя зарылъ старикъ Тулле въ Карельской землѣ.

В. Н. Майновъ.



Водяная курочка.